

Владимир Федорович Чиж

Психология злодея

Граф Алексей Андреевич Аракчеев

*Где злая воля связана с ужасным
Избытком сил, где разум зол и дик,
Там никакой охраны нет несчастным.¹*

Криминальная антропология дала нам немало сведений о психологии преступного человека; ничуть не разделяя всех увлечений этой школы, мы должны признать за ней немалую заслугу именно в том, что она расширила и сгруппировала в одно целое наши сведения о духовной жизни преступников. Эта школа довольно убедительно показала существенное различие между преступниками и грубо-безнравственными людьми — истинными злодеями. Эта школа объяснила нам, почему только часть вредных для общества людей, а именно преступники, гибнут в борьбе за существование, остальные спокойно пользуются благами общежития, а некоторые из них даже достигают высокого общественного положения.

Криминальная антропология обрисовала довольно подробно, хотя и с некоторыми промахами, только преступных людей; все же попытки объяснить нам психологию злодеев, не совершивших уголовного преступления, оказались совершенно неудачными; как велико было непонимание вопроса, можно судить по тому, что нашлись ученые, уверявшие, что Наполеон обладал преступной организацией.

Не задаваясь целью обрисовать психологию злодея, очертить этот тип, объяснить его происхождение, я хочу сделать первую попытку в изучении этой человеческой разновидности. Для этой цели я хочу воспользоваться методом, давшим столь блестящие результаты в медицине; а именно дать историю болезни одного очень типического больного или, говоря иначе, дать психологическую характеристику одного типического злодея — графа А. А. Аракчеева. Я остановился на этом историческом лице именно потому, что деятельность его нам хорошо известна; к моему удивлению, до сих пор нет полной биографии этого типического злодея не-преступника, и потому моя работа, до известной степени, пополнит этот пробел в нашей литературе. Аракчеев, бесспорно, типический злодей — не-преступник; аракчеевых в жизни много, и всякий внимательный наблюдатель встречал их немало.

"История болезни" Аракчеева для психолога особенно завлекательна потому, что Аракчеев вследствие отчасти случайных обстоятельств, отчасти особенностей исторической эпохи достиг исключительно высокого служебного положения и потому мог проявить вполне все свои душевные силы, мог совершить много зла, что делало его историческим лицом. Его злодеяния нам известны, если не все, то очень многие; нам известна почти вся его деятельность; наконец, нам известна его интимная жизнь; биография его фаворитки Минкиной достаточно подробна для понимания основных свойств Аракчеева. Было бы упущением не воспользоваться всем богатым материалом для методологической психологической характеристики Аракчеева. Задача психолога в данном случае является весьма простой: расположить весь материал так, как того требует современная психология; психолог должен воспользоваться разбросанным в исторических трудах и журналах материалом, для того чтобы обрисовать все главные признаки, все главные особенности психической

организации Аракчеева. Само собою разумеется, что методологическое изображение исторического деятеля преследует другие цели, чем характеристика историка-художника.

Имеющийся в литературе материал вполне достаточен, чтобы очертить весь склад, весь психологический образ Аракчеева; нам известна его биография, известна его умственная деятельность, известны его чувствования, его основная страсть, известна его привязанность, известно, в чем и как проявлялась его воля.

Уяснив психологию Аракчеева, нам будет понятнее духовный облик многих, конечно не всех злодеев, мы лучше пойдем аракчеевых, которые причиняют и, я думаю, всегда будут приносить много вреда обществу.

Крупная историческая роль, выпавшая на долю Аракчеева, свидетельствует, как велико значение аракчеевых, какого внимательного изучения заслуживает этот тип. Понимание хотя бы одной разновидности человека-злодея подвинет нас в изучении вредных для общежития типов злодеев — не-преступников.

Психологическая характеристика Аракчеева имеет значение для устранения недоразумения, вытекающего из одностороннего понимания Ницше. Восхваление жестокости этим философом дает основание, по крайней мере для некоторых, думать, что жестокость является проявлением или признаком силы. Действительно, Ницше требовал твердости и даже жестокости, но, конечно, не для достижения личного благополучия. Психологическая характеристика Аракчеева весьма наглядно объясняет нам, что "раб" жесток при достижении личного благополучия; жестокость "раба" не делает его сильным, потому что трусливый и лживый "раб" не имеет права быть жестоким, так как человеконенавистничество, а не стремление к высшим целям — причина его жестокости. Аракчеева никто не может считать сильным, но по своей жестокости он выделялся между современниками. Иван Грозный по своей жестокости, принимая во внимание, конечно, эпоху, не уступал Аракчееву и даже превосходил его. но, бесспорно, Грозный-царь был сильный человек, а Аракчеев — жалкий раб. Прямо к Аракчееву относятся слова Ницше: "В умном, бессовестном негодяе и преступнике мы порицаем его эгоизм не как таковой... но за то, что он направлен на низкие цели и ими ограничивается". Изучение психического склада Аракчеева с полной убедительностью доказывает нам, что злобность и вытекающая из нее жестокость есть удел "раба", нравственного уродца. Ницше учил, что жестокими имеют право быть только сильные люди, созданные для власти; жестокий "раб" — это нравственный урод. Аракчеев был типичный жестокий "раб", а потому человек очень вредный, заслуживающий презрения и за свою жестокость, и за свою рабскую душу; он заслуживает презрения моралиста, разделяющего взгляды Ницше; он возбуждал ненависть и презрение своих современников, потому что был весьма жесток, крайне тщеславен, лжив и труслив — одним словом, он был выдающимся злодеем.

Благодаря Ницше нам понятно, насколько не правы были адепты криминальной антропологии, считавшие Наполеона преступником; нам понятно, насколько были не правы многие ученые, считавшие Ивана Грозного злодеем; благодаря Ницше мы можем правильно оценить рабскую душу Аракчеева, установить существенное различие между злодеем и сильными, жестокими людьми; и Аракчеев, и Петр Великий были жестоки, но этим сходство между ними и исчерпывается. Аракчеевы, безусловно, вредные люди, так же как и преступники; многие жестокие, сильные люди были самыми полезными, самыми лучшими слугами своего народа.

Вот основание, почему я почел полезным с достаточною подробностью изучить психологию Аракчеева и с особенным вниманием остановиться на тех особенностях его душевной организации, которые нам объясняют сущность аракчеевского типа. Изучение духовной организации Аракчеева поучительно и для психолога, и для моралиста. Мне казалось, что психологическая характеристика Аракчеева дает

столь ясные выводы, что не представляется надобности в объяснениях; психологическая характеристика Аракчеева выясняет нам тип злодея не-преступника и тип "раба", в смысле учения Ницше.

Отец Аракчеева служил в Преображенском полку; после манифеста 1762 г. вышел в отставку в чине поручика, занимался сельским хозяйством; точных сведений о его характере не имеется, что дает основание предполагать, что он ничем не выделялся из среднего уровня. Умер он в 1796 г.

Мать Аракчеева была очень аккуратна, экономна, деятельна и тщеславна; она любила общество, любила почет. Когда ее сын был всемогущим вельможей, она просила его о покровительстве своим знакомым; жители г. Бежецка просили старуху защитить их от постоя, и она писала сыну: "Пощади, батюшка, и умиლოსердись к ним".

У Аракчеева было два брата, Петр и Андрей; последний умер в молодых годах. Маевский² так отзывается о Петре Аракчееве: "Г. Аракчеев был человек вечно пьяный и страдал сильною падучею болезнью". Отто сообщает, что Петр Аракчеев имел пристрастие к духам и помаде и, бывая в гостях у брата в Грузии, без церемонии опустошал запас розовой воды, находившейся в тамошней госпитальной аптеке. Когда Петр Аракчеев узнал, что граф не оставил ему наследства, он был очень огорчен. "Это обстоятельство, — говорит Отто, — так сильно подействовало на него, что, по рассказам, расстроило его рассудок. Петр Андреевич провел последние годы жизни в печальном положении". Таким образом, сказанное Маевским подтверждается сведениями, собранными Отто. Можно допустить, что Маевский из ненависти к графу Аракчееву отозвался уж очень резко насчет пьянства Петра Аракчеева, но совершенно нельзя допустить, чтобы он так категорически говорил о падучей болезни, не имея точных сведений.

Злобный, замкнутый характер графа Аракчеева дает некоторое право предполагать о чем-то патологическом в его семье; весьма правдоподобно, что один брат был эпилептик и алкоголик, а другой был наделен злобностью и человеконенавистничеством. Графиня Эдлинг в своих записках сказала про Аракчеева: "В чрезмерной жестокости всегда скрыта крупница безумия"³. Она до известной степени права; сам Аракчеев был человек здоровый, но все же он происходил из семьи, в которой была "крупница безумия". Допускать скрытую эпилепсию у графа Аракчеева мы не имеем права, но нельзя отрицать, что в его характере было много весьма характерного для эпилептиков; как мы видим, в его семье была эпилепсия

К сожалению, мы не обладаем хорошими портретами Аракчеева, на основании же имеющихся невозможно с полною точностью сказать что-либо определенное о физических признаках вырождения Аракчеева. На всех его портретах обращают на себя внимание большие оттопыренные уши с приросшими мочками; надбровные дуги сильно развиты, глазные орбиты велики, подбородок узок; но все это недостаточно выражено, чтобы считать доказательством вырождения.

Можно считать аномалией или признаком вырождения бесплодность Аракчеева; едва ли ее можно объяснить половой болезнью, перенесенной в молодости; если бы такая болезнь оставила прочные следы, ею бы страдали сожительницы Аракчеева; Пукалова и Минкина, как то хорошо известно, пользовались цветущим здоровьем. Нельзя отрицать, что половая болезнь, вызвав бесплодность Аракчеева, исчезла, и потому сожительницы Аракчеева сохранили свое здоровье. Наконец, необходимо обратить внимание, что Аракчеев умер на шестьдесят пятом году и не страдал вторичными явлениями половой болезни. Поэтому с большой вероятностью можно думать, что Аракчеев был бесплоден, и эту его особенность считать физическим признаком вырождения.

Таким образом, психиатр с большой осторожностью может присоединиться к

мнению графини Эдлинг; я бы сказал, что патологическое в натуре Аракчеева более чем вероятно, но точно не доказано, Брат-эпилептик, бесплодность, большие уши с приросшими мочками — это дает право допустить, но не утверждает в Аракчеве "крупницу безумия".

Отто на основании документов доказал, что Аракчевы были люди не бедные — у них было до 400 душ, следовательно, хорошее состояние. Аракчев всем рассказывал, что он из бедной семьи; цель этой лжи очень ясна; нужно сказать, что она ему удалась настолько, что этой лжи верит автор биографии Аракчеева в Энциклопедическом словаре Брокгауза — Ефрона (Т. II. С. 7—10). Аракчев любил рассказывать, что, когда отец привез его в Петербург, для того чтобы поместить в корпус, они бедствовали так, что просили подаяние у митрополита и Гурьева; если Аракчев и не сочинил этот рассказ, то просьба о подаянии еще не доказывает бедности; кто же не знает попрошаек, обладающих порядочными средствами.

Аракчева дома учили мало; в корпусе он учился четыре года; биограф Аракчеева в Энциклопедическом словаре Брокгауза — Ефрона говорит, что в корпусе "быстрые успехи в науках, и особенно в математике, доставили ему вскоре звание офицера", а биограф Аракчеева в военно-энциклопедическом лексиконе говорит: "Он особенно отличался успехами в военно-математических науках, а к наукам словесным не имел особой склонности". Ратч4 по поводу этого сообщения говорит: "Не имея данных к проверке относительно занятий Аракчеева в корпусе, вслед за ними скажем... Несмотря на недавность времени, напечатанные жизнеописания графа Аракчеева не отличаются верностью даже и фактов; встречаются в них вымыслы и прикрасы"; Ратч не совсем, значит, доверяется быстрым успехам Аракчеева. Ратч основательно сомневается в быстрых успехах и знаниях Аракчеева и приводит доказательства (с. 91) его полного невежества в артиллерии5.

Аракчев в корпусе не выучился даже писать грамотно; его безграмотность поистине поразительна; кадет, даже не научившийся писать мало-мальски грамотно, не мог выказывать быстрых успехов. Конечно, я знаю, что можно обладать громадными познаниями и писать безграмотно, но всякий школьник, если только он может учиться, выучивается прежде всего грамотности. Поразительная безграмотность Аракчеева, невежество его в артиллерии доказывают, что он был не способен к усвоению знаний, учился мало и дурно. Поклонники его могли говорить, что он "отличался в военно-математических науках", потому что, занимая высокое положение, он мог скрывать свое полное невежество и в военных, и в математических науках, безграмотность свою, однако, скрыть не мог. Арифметику, конечно первые ее правила, в корпусе он выучил.

В течение всей своей жизни он обнаруживал свое невежество; он никогда не понимал знания, не прочел во всю жизнь ни одной дельной книги. Во всех его письмах, нам известных, его безграмотность совершенно одинакова; как человек умный и тщеславный, он, конечно, знал, что его безграмотность все же ставится ему в упрек, он не мог хотя сколько-нибудь уменьшить число ошибок в своих письмах. Лицо, настолько не способное учиться, конечно, не могло отличаться в военных и математических науках, но, к сожалению, всегда находятся люди, желающие сказать что-либо похвальное про сильных мира сего, даже и о покойниках.

Невежество Аракчеева "в военно-математических" науках ясно сказалось в его полном непонимании службы офицеров генерального штаба, и он никогда не научился понимать съемку местности. Даже защитники Аракчеева, например артиллерист Эйлер, не могут указать хотя бы на одно дельное распоряжение по технической части артиллерии, и этой стороной дела Аракчев за время заведования своего нашей артиллерией решительно не занимался, что, конечно, свидетельствует о его уме. Он все свое внимание сосредоточил на табелях, ведомостях, отчетностях.

Конечно, несовершенство корпуса, в котором учился Аракчеев, неповинно в его невежестве; из того же корпуса, руководимого генералом Мелессино, вышли наши лучшие артиллеристы, хорошо применявшие приобретенные знания.

Очень рано проявились основные свойства характера Аракчеева — исполнительность, неутомимость и жестокость. Когда он был в старших классах корпуса, ему поручили наблюдение над товарищами, что он исполнял с нестерпимым зверством; наставники были довольны таким деятельным исполнителем, чем, по всей вероятности, и объясняются "отличные успехи" Аракчеева. Известно, как кадеты неохотно наблюдают за товарищами, как в кадетских корпусах силен дух товарищества; поэтому для начальства корпуса Аракчеев был просто клад.

Также рано Аракчеев доказал свое трудолюбие и настойчивость; чтобы заработать деньги, а может быть, чтобы заручиться протекцией, он искал частные уроки; директор корпуса Мелессино рекомендовал Аракчеева графу Н. И. Салтыкову. Мертвагоб, хорошо знавший Аракчеева, говорит про него, "что имеет он ум нравиться тому, кому служит". Действительно, Аракчеев даже в годы юности умел нравиться сильным мира сего, знал людей; он понравился графу Салтыкову настолько, что, по его просьбе, Мелессино сделал 22-летнего грубого, невежественного Аракчеева своим адъютантом. Мелессино держал Аракчеева в черном теле, но молодой офицер, так блистательно начавший свою карьеру, предусмотрительно подготовлял себе блестящую будущность. Аракчеев уже тогда понимал, что будущее принадлежит гатчинцам, что его способности могут найти должную оценку только в Гатчине. В Гатчине была пушка; в ней сделалась раковина; для починки этой раковины начальник артиллерии Мелессино прислал мастера с адъютантом своим — Аракчеевым. Котлубицкий, рассказы которого дышат правдивостью и искренностью, говорит так: "В разговоре с наследником Аракчееву удалось намекнуть, не угодно ли ему в Гатчине завести артиллерийскую батарею. Павлу это понравилось; он попросил у Екатерины двух артиллерийских офицеров". Так как охотников служить в Гатчине было мало, то Аракчеев легко добился того, чего желал; в 1792 г. он был назначен в Гатчину⁸. Здесь он оказался на своем месте и скоро заслужил полное благоволение наследника. Аракчеев даже среди гатчинцев выделялся исполнительностью и жестокостью; его неутомимость и деятельность сделали его любимцем наследника. Аракчеев целыми днями учил солдат, проверял караулы, ночи проводил в кресле, одетый по форме, чтобы явиться немедленно по первому зову. За четыре года службы он приобрел такое доверие Павла Петровича, что в день восшествия на престол тот призвал великого князя Александра Павловича и после лестного отзыва об Аракчееве, сложив их руки, сказал: "Будьте друзьями и помогайте мне". Аракчеев приобрел за время своей службы в Гатчине полную любовь и абсолютное доверие Александра Павловича.

Император Павел I по воцарении (1796) тотчас же назначил Аракчеева комендантом Петербурга и в Преображенский полк; ему же было поручено заведование квартирмейстерской частью; квартира была ему отведена в Зимнем дворце. 12 декабря 1796 г. пожалована Аракчееву Грузинская вотчина в 2000 душ, в следующем году — Александровская звезда и баронское достоинство; в 1799 г. Аракчеев пожалован графом Российской империи. За время царствования Павла Первого Аракчеев подвергался два раза опале: первый раз, 18 марта 1798 г., был уволен без прошения в чистую отставку. Весьма вероятно, что государь был недоволен жестокостью Аракчеева в Преображенском полку и квартирмейстерской части. 11 августа Аракчеев был "принят паки в службу с отданием старшинства и определением в свиту его величества". Он был назначен командиром гвардии артиллерийского батальона и инспектором всей артиллерии; это сравнительно скромное назначение свидетельствует, что Аракчеев уже не пользовался полным

доверием государя. 10 октября 1799 г. Аракчеев вторично подвергся опале. Незадолго до своей кончины император Павел послал за графом Аракчеевым и генералом Линденером. Вечером 11 марта Аракчеев подъехал к Петербургской заставе, но был задержан при въезде в столицу по приказанию Палена.

Это обстоятельство дало право Аракчееву написать на памятнике императору Павлу, воздвигнутом графом в Грузии: "Сердце чисто и дух прав перед тобою", а императрице Марии Федоровне писать: "Кто чист душою и помышлением моему единственному отцу и благодетелю, также вечно будет предан и всеавгустейшему его семейству".

Очевидно, что до воцарения императора Александра Павловича Аракчеев приобрел резко определенную репутацию. Император Павел хотя и не любил Аракчеева, вызвал его в минуту опасности; двукратная опала Аракчеева, устранение его даже в периоды его близости к императору от государственной деятельности дают право думать, что грубый, злой Аракчеев не был симпатичен государю, не лишенному благородных порывов, Аракчеева считали, и конечно, с полным на то правом, настолько опасным, что Пален не позабыл задержать его на заставе Петербурга.

Таким образом, сама судьба подготовила ему весьма определенную роль в следующем царствовании, сделала его необходимым. Конечно, можно придавать значение случаю; ведь Аракчеев мог появиться в Петербурге 10 марта и тогда, по всей вероятности, вместо одних событий произошли бы другие. Но именно судьба Аракчеева указывает, какую небольшую роль играет случай в истории: Аракчеев наделал бы много зла, если бы он приехал в Петербург ранее 11 марта, но он ведь причинил много зла и опоздав в Петербург; трудно определить, при каких обстоятельствах он наделал бы зла больше.

Репутация Аракчеева была так ужасна, ненависть к нему так велика, что "в дни Александровы прекрасное начало" он должен был оставаться в Грузии; хотя его необходимость была очевидна, но его сотрудничество настолько бы компрометировало, что вызвать его из Грузина казалось рискованным. Он был вызван в Петербург только 27 апреля 1803 г., когда положение нового правительства вполне упрочилось; однако и тогда еще не решились дать ему выдающееся положение. Он был назначен инспектором артиллерии, следовательно, официально занимал второстепенную должность, оставался как бы в тени. Но уже тогда он был самым приближенным к государю лицом: он входил без доклада в кабинет государя.

Полное доверие и любовь молодого государя к Аракчееву всем стали очевидны в 1806 г., а именно венчание Аракчеева с Хомутовой происходило в присутствии государя; молодой графине был пожалован орден св. Екатерины. 13 января 1808 г. Аракчеев был сделан военным министром; 1 января 1810 г. был назначен председателем департамента Государственного совета. 17 июня 1812 г. государь поручил Аракчееву "управление военных дел"; по словам Аракчеева, "вся Французская война шла через мои руки, все тайные донесения и собственные повеления государя императора". По окончании Отечественной войны управление всеми делами государства переходит мало-помалу в руки Аракчеева; он становится временщиком; сколько известно, он не вмешивался во внешнюю политику. Доклады по всем делам внутреннего управления делал Аракчеев, и потому все и всё оказались в его руках.

Аракчеев всегда говорил, что мысль о военных поселениях принадлежала государю; а он, Аракчеев, не хотел брать на себя это трудное поручение, но должен был уступить настойчивым просьбам государя. Этому можно поверить, так как Аракчеев боялся бунтов и был умен, а потому понимал, что бунты в военных поселениях неизбежны.

До сих пор не выяснено, почему, собственно, государь так настойчиво желал

завести военные поселения, почему никто не решился объяснить государю всю чудовищность этой затеи, но ясно, что, когда возникло желание завести Гатчино в большом масштабе, т. е. по всей стране, только Аракчееву можно было поручить это дело. Тут Аракчеев мог приложить к делу все свои способности, и потому за военные поселения ответственность падает всецело на этого изверга.

Ненависть к Аракчееву была так велика, что по воцарении Николая Павловича граф был оставлен не у дел; его лживость и трусость возмущали этого государя, а потому, хотя он и сохранил звание члена Государственного совета, числился по армии, но вполне удалился от дел и жил в Грузии, занимаясь исключительно своим именем.

Он умер 21 апреля 1834 г.; его бумаги были опечатаны присланным на его похороны Клейнмихелем⁹.

Нам неизвестна болезнь, сведшая Аракчеева в могилу; он умер на шестьдесят пятом году жизни и, насколько можно судить по имеющимся описаниям¹⁰, прохворал всего несколько дней, что дает право допускать острое заболевание. Сам Аракчеев жаловался на свое слабое здоровье и в 1826 г. даже ездил лечиться за границу, но эта его поездка, по всей вероятности, была лишь предлогом, чтобы скрыть истинную причину удаления от дел. Его напряженная деятельность дает право думать, что он обладал хорошим здоровьем, и его жалобы на слабое здоровье, на разные болезненные припадки, по всей вероятности, служили лишь предлогом, чтобы объяснить оставление службы. Последние годы ему жилось тяжело в своем вынужденном уединении, и он хандрил, но физически был бодр.

Относительно последних дней Аракчеева наибольшего доверия заслуживает рассказ врача Миллера, сообщенный Брадке. Аракчеев, "цепляясь за жизнь с безграничной тоскою, не хотел думать о последнем часе и отталкивал от себя всякое о нем напоминание; а равно и не решался, под влиянием овладевшего им ужаса, дополнить свое завещание, хотя и намеревался это сделать в здоровом состоянии". О малодушии Аракчеева в последние дни жизни говорит и Романович; хотя рассказ его и не вполне достоверен, но он мог иметь верные сведения о том, как умирал Аракчеев, так как приехал в Грузию или в день его смерти, или тотчас же после кончины. Такие люди, как Аракчеев, страшно боятся смерти, не могут умереть мужественно, а потому не заслуживает ни малейшего доверия занесенное в биографию Аракчеева (Энциклопедический словарь Брокгауза — Ефрона) сведение, что граф "скончался не спуская глаз с портрета Александра". Даже Бровцын не говорит о такой покорности судьбе умирающего Аракчеева; по словам Бровцына, граф умер в комнате, где стоял бюст Александра I, потому что в это время переделывался его кабинет. Совершенно невероятно, чтобы умирающий Аракчеев обнаружил такую преданность, такую покорность судьбе. Аракчеев умирал так же, как и жил, а мы знаем, как умирают злые трусы. Издатель "Русского архива" в примечании к рассказу Брадке о смерти Аракчеева сообщает слышанный им от В. А. Кокорева рассказ садовника. "Лейб-медик Виллье... однажды утром застал своего пациента с железным аршином в руке; в комнате находился мальчик-садовник с окровавленным носом. Оказалось, что умиравший Аракчеев наказывал провинившегося мальчика, производя равномерные удары аршином по носу"¹¹. Это, конечно, самый достоверный рассказ, потому что последняя жертва Аракчеева хорошо запомнила эту возмутительную экзекуцию. Как жестокий трус, Аракчеев не мог умереть мужественно; можно лишь удивляться тем, кто верит неправдоподобному рассказу о стоической преданности "благодетелю" умирающего Аракчеева.

Пушкин, узнав о смерти Аракчеева, записал: "...умер Аракчеев, и смерть этого самодержца не произвела никакого впечатления"¹²; конечно, это замечание верно относительно Петербурга; в Грузии смерть Аракчеева произвела общую радость.

По словам Романовича, "когда нужно было класть тело покойного в гроб, то К. (Клейнмихель. — *Авт.*) обратился к нам, офицерам, с вопросом, не желает ли кто переложить тело покойного, но никто не изъявил желаний, и тело должны были положить священник и племянник Аракчеева".

Этого рассказа не опровергает Бровцын, а потому мы можем ему поверить; даже офицеры полка, шефом которого был Аракчеев, ненавидели настолько графа, что не пожелали переложить в гроб тело своего шефа. Жаль армии, в которой люди, подобные Аракчееву, могут достигать высших степеней; ненависть и презрение офицеров к шефу полка Аракчееву доказывают, что окончательно развратить армию Аракчееву не удалось. Распорядиться похоронами пришлось Клейнмихелю, которого все порядочные люди презирали так же, как и самого Аракчеева.

//

Среди лиц, хорошо знавших Аракчеева, бесспорно, самым глубоким умом обладал Штейн; этот великий и благородный государственный человек в письме к Мюнстеру¹³ от 25 сентября 1812 г. так выразился об Аракчееве: "Аракчеев... отличается крайней узостью ума". Суждение Штейна, безусловно, верно, и теперь, когда нам хорошо известна вся деятельность Аракчеева и к ней мы можем относиться "без гнева и пристрастия", мы должны всецело присоединиться к мнению проницательного государственного человека. Известно, что даже лица, порицавшие нравственный характер Аракчеева и всю его деятельность, считали его очень умным человеком, ссылаясь на его заслуги в деле устройства нашей артиллерии, на его ловкость в государственном управлении.

Для того чтобы доказать справедливость суждения Штейна, необходимо подробнее проанализировать умственную деятельность Аракчеева, указать на ее особенности, проследить, что создала эта деятельность.

Аракчеев не был наделен богатыми умственными способностями; это ясно проявляется в его отвращении к серьезному умственному труду. В моем труде "Об измерении умственных способностей"¹⁴ я говорил, что лучшим показателем силы умственных способностей является стремление к умственной деятельности. "Чем лучше, совершеннее орган, тем более он нуждается в функции; хорошо развитой головной мозг так же нуждается в интенсивной работе, как и крепкие мышцы".

Аракчеев никогда не имел чисто умственных интересов, никогда не любил умственной деятельности как таковой и поэтому никогда не стремился расширить свой кругозор серьезной умственной работой. Конечно, можно упрекать в этом скудное образование, им полученное, но, если бы у него была любовь к умственному труду, любовь к знанию, он мог бы потом дополнить свое образование. К чести Аракчеева следует сказать, что он сам понимал свое умственное убожество. Один бывший грузинский казачок рассказывает... что Аракчеев раз при гостях приложил этак руку ко лбу да и сказал громко: "Кабы у меня такой ум был, как у Виктора Павловича Кочубея". Неспособность к серьезной умственной работе, значит, была так велика, что даже при сознании ее необходимости Аракчеев не мог заняться сам образованием. Известно, что Аракчеев как бы гордился своим невежеством и называл себя "новгородским неученым дворянином", но в душе он понимал, что было бы лучше, если бы он знал побольше.

Ограниченность умственных способностей Аракчеева доказывается и тем, что он не развивался в умственном отношении; несомненно, что хорошо сформированный орган способен к развитию; Аракчеев жил в таких условиях, что мог бы развивать свой ум, если бы был к тому способен. Самые умные, самые образованные люди того времени соприкасались с Аракчеевым, но он упорно их избегал и ничему от них не научился. Он неоднократно бывал за границей, мог многое видеть, многое

наблюдать; он принимал участие в великих событиях; кругом его кипела борьба и великих идей, и крупных деятелей. Он ничему не научился и умер таким же невежественным кадетом, каким был в корпусе. В своем печальном одиночестве в Грузии он нашел в селе Оскуе какую-то сказочницу Матрену, которая бесконечными рассказами старалась развлечь барина. Раз вздумал он было для своего удовольствия и забавы заняться театральными представлениями и приказал крепостным мальчикам сыграть Филатку и Мирошку¹⁵. В последние годы он еще брал в руки "Северную пчелу", "Инвалида", "Московские ведомости", а прочих журналов не читал, хотя и выписывал.

Интересно, что, посылая книгопродавцу реестры требуемых изданий, Аракчеев писал: *Ведомости Московские, Русской Инвалид*; действительно, нужно отличаться "крайней узостью ума", чтобы не научиться правильно писать названия постоянно читаемых журналов; ведь видел же Аракчеев много-много раз, как печатается название военного журнала, и не так уж трудно запомнить это название, и все же он не мог до смерти правильно его написать. Отсутствие любознательности поистине замечательное.

Во всей переписке Аракчеева нет и намек на какой-либо интерес к событиям, к идеям, общим вопросам; ничего, кроме службы, личных дел, хозяйства, собственного здоровья; все, что кругом его происходило, интересовало его лишь с точки зрения его службы, его дел. Сами по себе все события для него значения не имели и его не интересовали, и потому когда он был отстранен от дел, то ничем, кроме своего имени, не занимался; он не давал себе труда обсуждать государственные мероприятия, хотя и гордился своею административною опытностью.

Казалось бы, что человек, всю жизнь имевший постоянно дело со всевозможными ведомостями и инвалидами и не научившийся правильно писать эти немудреные слова, обладал крайне недостаточной восприимчивостью, а потому был совершенно лишен наблюдательности. Но Аракчеев вовсе не был глуп, он лишь отличался крайней узостью ума, то есть мог отлично воспринимать и недурно наблюдать лишь то, что затрагивало его личные интересы, и, не обладая любовью к истине и справедливости, совершенно не воспринимал того, что не затрагивало непосредственно его я. В этом отношении он походил на умного дикаря, не имеющего каких-либо теоретических, отвлеченных интересов, но прекрасно изучившего охоту, рыболовство и т. п.

Для Аракчеева, так же как и для дикаря, мозг которого не развился до того совершенства, какое присуще мозгу цивилизованного человека, истина, справедливость совершенно не существовали, но в сфере практической жизни его мозг работал весьма удовлетворительно.

Понятно, что ум Аракчеева, работавший в весьма узкой сфере, не тратился попустому; все силы ума были сосредоточены на одной области; напрасных затрат не было; работа всегда была только полезная для достижения данной цели, и потому даже в сущности весьма небольшие силы производили много полезной работы. В самом деле, сколько напрасной, ненужной для их благополучия работы затрачивают люди более даровитые, чем Аракчеев, и понятно, что в деле устройства собственного благополучия аракчеевы обгоняют своих более даровитых соперников, непродуктивно затрачивающих много работы.

Аракчеев, даже по свойствам своего ума, был самый идеальный эгоист; вся его умственная деятельность была исключительно направлена для его собственной пользы. "Когда Шишков и Балашов представляли графу Аракчееву, что необходимо государю ехать в Москву и что это единственное средство спасти Отечество, граф Аракчеев возразил: "Что мне до Отечества! Скажите мне, не в опасности ли государь, оставаясь долее при армии?" Они ему отвечали: "Конечно, ибо если

Наполеон атакует нашу армию и разобьет ее, что тогда будет с государем? А если он победит Баркляя, то беда еще не велика". Это заставило Аракчеева идти к государю и упросить его величество на отъезд из армии"¹⁶. Если принять во внимание, что так рассуждал этот государственный человек в минуты величайшей опасности, мы должны признать, что Аракчеев был совершеннейший эгоист, всегда и все рассматривавший с точки зрения своей выгоды.

Судьба Отечества, даже в 1812 г., не интересовала Аракчеева, но он отлично знал, что его благополучие вполне зависит от государя: при новом государе он может лишиться своего положения. Таким идеальным эгоистам, как Аракчеев, живется легко даже потому, что их ограниченные умственные силы всецело работают для их благополучия; ни одного усилия для спасения Отечества. Аракчеев не желал подумать о том, выгодно ли для Отечества или нет предложение Шишкова, который напрягал все свои умственные силы, чтобы послужить на благо России, страдал и волновался при мысли об опасном ее положении. Понятно, что тот же Шишков не мог столько же затратить умственной работы для устройства своего благополучия, сколько затратил Аракчеев, хотя первый был одарен более богато.

Живший исключительно только для себя, Аракчеев отлично, намного лучше, чем его более даровитые сослуживцы, наблюдал то, что ему было нужно. Он обладал прекрасной наблюдательностью, как строевой офицер. Павел Петрович в Гатчине завел совершенно другие порядки, по сравнению с принятыми в русской армии, был крайне требователен, почему офицеры, поступавшие в гатчинские войска, долго не могли приладиться к совершенно чуждому для них режиму. Аракчеев на первый развод явился как бы век служивший в Гатчине и соблюдал до изысканности установленную форму. В царствование Павла Петровича Аракчеев считался лучшим знатоком фронта; он до мельчайших подробностей изучил все требования государя, и ни одно самое ничтожное уклонение в строевом учении не ускользало от его наблюдательности. Если Аракчеев на смотре не замечал неправильностей, то уже никто не мог подметить чего-либо достойного порицания. Конечно, и в то время было немало карьеристов, желавших превзойти Аракчеева в капральстве и придирчивости, но слава его как самого лучшего знатока гатчинского военного устава стояла непоколебимо. Очевидно, что Аракчеев был наделен выдающейся наблюдательностью, прекрасной памятью; он замечал самую мелкую ошибку и сам не делал ошибок.

Однако необходимо заметить, что, для того чтобы тщательно наблюдать за строевым учением, следить за малейшими отклонениями от требований гатчинского устава, необходима крайняя ограниченность кругозора, и потому человеку умному такое дело так надоедает, что он не в силах конкурировать с аракчеевыми; человек с интенсивно развитой духовной жизнью не выносит такой одуряющей работы; только Аракчеев, Линденер, Каннабих и им подобные могут выдержать эту умственную пытку. Понятно, что истинно умный человек долго не может заниматься пустяками, а умственно ограниченные аракчеевы занимаются даже с любовью притупляющими ум пустяками.

Вследствие крайней ограниченности интересов внимание Аракчеева всецело было сосредоточено на деле, ему порученном: все остальное для него не существовало. Нужно отдать справедливость Аракчееву в том, что он был хороший служака, всецело отдававшийся службе. Мы, конечно, не имеем мерил внимания — этой великой силы в борьбе за существование, но несомненно, что при равной силе внимания чем уже область, на которую оно направлено, тем плодотворнее будет его работа. А именно все внимание Аракчеева было сосредоточено на служебных делах, и то только на формальной, внешней их стороне. Аракчеев прекрасно усвоил порядки службы, как фронтовой, так и канцелярской. Все бумаги были заготавливаемы вовремя, с внешней стороны были составлены по установленной форме; все

ведомости, таблицы и т. п. были составлены аккуратно, всякое упущение строго преследовалось. С таким же вниманием Аракчеев следил за точным исполнением приказаний, не допускал ни малейшего упущения в исполнении их; все дела шли по порядку, и канцелярии, управляемые Аракчеевым, с внешней стороны были так же исправны, как воинские части, которыми он заведовал. Даже враги Аракчеева отдавали ему справедливость в его административной аккуратности: он и его подчиненные работали как машина. Аракчеев создал школу администраторов, аккуратно, до мельчайших подробностей осуществлявших приказания свыше, не рассуждавших о целесообразности этих приказаний. Его лучший ученик Клейнмихель, усвоивший дух аракчеевщины, желая лично убедиться, правильно ли сделано священническое облачение, приказал директору департамента надеть на себя это облачение, нашел упущения, на что сурово и указал виноватому.

От внимания, всецело сосредоточенного на внешности, на форме, естественно, ускользала сущность дела, да она и не интересовала Аракчеева, так как он даже не скрывал, "что мне до Отечества", Когда Аракчееву был поручен генеральный штаб, он зная, что государь желал, чтобы офицеры были всецело заняты службой, засадил своих несчастных подчиненных за перечерчивание "прежних планов, большею частью бесполезных. Кроме этой убивающей всякие способности работы, не было и помина о каких-либо более целесообразных занятиях... Аракчеев жил над залом, в которой производилось черчение, и раза по два и по три в день являлся среди офицеров. При малейшем поводе, под самыми ничтожными предложениями он ругался позорнейшими словами и раз одному колонновожатому, фон Фитингофу, дал пощечину"¹⁷.

Аракчеев не потрудился узнать, в чем должна состоять служба офицеров генерального штаба; по своему невежеству он даже не догадывался, чем следует занять этих офицеров; его пониманию была доступна только внешность работы, и он засадил лучших офицеров нашей армии за притупляющую ум работу.

Те же свойства своего ума Аракчеев проявил и при устройении военных поселений; все было аккуратно рассчитано, все было с внешней стороны в наилучшем порядке; приказания отдавались вовремя; бумаги, штаты, ведомости не оставляли желать лучшего. Но, оставляя даже в стороне, что военные поселения лишены были свободы более арестантов, самое хозяйство поселений ясно доказывает крайнюю узость ума Аракчеева, "Все, что составляет наружность, — пленяет глаз до восхищения; все, что составляет внутренность, — говорит о беспорядке... Но представьте огромный дом с мезонином, в котором мерзнут люди и пища... представьте, что корова содержится, как ружье, а корм в поле получается за 12 верст, что капитальные леса сожжены, а на строение покупаются новые из Порхова, с тягостнейшей доставкой...» Притом от худого расчета или оттого, что корова в два оборота делает в день по 48 верст для пастбища, — определительно всякий год падало от 1000 до 2000 коров в полку... Читая одни приказы графа, чувствуешь уже невольный ужас, У меня от приказов его всегда поднимались волосы"¹⁸.

Несомненно, что Аракчеев не сумел устроить военных поселений даже в хозяйственном отношении; в чисто утилитарном смысле они были невыгодны и не достигали цели; я уже не говорю о тех совершенно бесцельных мучениях, которые переносили жертвы ограниченности Аракчеева и которых легко было бы избежать, если бы во главе поселений стоял человек разумный. Очевидно, мало знания внешней, формальной стороны дела даже для того, чтобы, обладая неограниченной властью, организовать живое дело и им руководить. Отзывы подчиненных Аракчеева о военных поселениях единогласны, за исключением Эйлера; мрачную картину рисует Гриббе¹⁹.

Аракчеев обладал хорошей наблюдательностью и вполне удовлетворительной памятью, деятельным, напряженным вниманием в сфере личных своих интересов,

но ассоциативная деятельность ума отличалась крайней бедностью. Сочетание представлений у него было ограничено, все мысли его отличались краткостью, отрывочностью, были однообразны. Но зато сочетания представлений выигрывали в прочности. Это именно и составляет главную особенность узких умов. У глупых людей сочетания представлений и ограничены и непрочны; у людей с широким умом ассоциации очень богаты и разнообразны; они обладают поэтому многочисленными комбинациями представлений. Аракчеев обладал умом, но узким, следовательно, у него было немного ассоциаций, но крайне прочных. В той ограниченной области, в которой работал его ум, он обладал твердо усвоенными знаниями; все представления о табелях, ведомостях, формах и т. п. были соединены между собою крайне прочно, и Аракчеев был знаток своего дела. Представление всегда вызывало прежде с ним сочетанное, и потому всякое отступление от усвоенного порядка службы и порядка в сочетанных представлениях тотчас же замечалось.

Эта прочность в сочетании небольшого числа представлений, составляющая особенность узких умов, непременно выражается крайней аккуратностью и педантизмом. До сих пор психологи не обратили должного внимания на психологический анализ аккуратности и педантизма, не объяснили значение и состав этого психологического явления. Аракчеев наследовал свою аккуратность от матери; насколько нам известно, в этом отношении граф намного превзошел свою мать. Аккуратность, бесспорно, врожденное свойство, наследуемое от предков; воспитание не может ни привить аккуратность, ни отучить от нее. Я наблюдал мальчика, воспитанного вдовою-матерью, женщиною крайне безалаберною; мальчик унаследовал от отца, умершего, когда сыну было два года, крайнюю аккуратность; мальчику часто доставалось от матери за его аккуратность, которая с годами только росла. Также я наблюдал аккуратность, унаследованную от матери, умершей от родов; мальчик, воспитанный в чужой семье, очень рано отличается от детей приютившей его семьи крайней аккуратностью; с годами эта аккуратность достигла крайней степени и прямо тяготила всю семью; ни уговоры, ни насмешки не действовали.

Крайняя аккуратность, тягостная для окружающих, всегда бывает врожденная и свидетельствует о крайней прочности ассоциаций; так как людей, наделенных прочными и богатыми ассоциациями, очень мало, то обычно крайняя аккуратность наблюдается у людей, отличающихся "узостью ума". Как известно, Кант был крайне, до педантизма аккуратен, но это был величайший мыслитель, живший почти исключительно умственной жизнью.

Крайняя аккуратность, педантизм имеет в своей основе бедность, но прочность ассоциаций; представления сочетаны между собою так прочно, так неизменно, что всякое новое сочетание тягостно и потому неприятно для педанта. Он может легко думать и делать лишь по заранее усвоенному порядку, всякое отклонение от этого порядка вызывает столь тягостную умственную работу, что педант бессознательно избегает всего нового, стремится жить по установленному плану. Эта стойкость сочетаний проявляется во всех мелочах жизни — в одежде, в распределении занятий, в убранстве комнат, в отношении к порученному делу, в выборе занятий. Педант страдает, когда видит беспорядок в своих комнатах, когда наталкивается на новые, непонятные для него вопросы. Конечно, нетрудно соблюдать установленный порядок в одежде, в образе жизни, но почти невозможно избежать новых вопросов, особенно неясных, нового освещения предмета. Поэтому педанты не любят ничего нового, особенно неясного, их консерватизм чисто органический; по мере возможности они избегают всего неясного, нового, требующего новых для них сочетаний представлений, теряются и делают грубые ошибки, когда жизнь наталкивает их на разрешение таких вопросов. Вследствие крайней прочности в

сочетании их представлений педанты прекрасно, крайне аккуратно делают работу, им привычную; всякое отступление от усвоенного порядка, а следовательно, всякую неточность, неясность и, конечно, ошибку они замечают легко, потому что все это им прямо неприятно. Поэтому педанты нередко очень полезные работники; они отлично могут исполнять работы, не требующие новых сочетаний, собственного творчества. Особенно полезны педанты в счетоводстве и в простой канцелярской работе; тут их очень ценят. Когда педантам поручают сложное, большое дело, они теряются в мелочах, форму предпочитают сущности; они, хотя и плохо, могут вести дело по заведенному уже порядку и даже могут усилить порядок, но идти вперед — это свыше их сил. Конечно, полезнее всего люди, обладающие и прочностью, и богатством ассоциаций, например Кант, но такие лица рождаются редко.

Аракчеев, как человек, наделенный "крайней узостью ума", отличался крайней аккуратностью. На службе в Гатчине он обратил на себя внимание аккуратностью в одежде. Его дом в Грузии поражал чистотой и педантизмом; все было на своем раз назначенном месте и ни малейших отступлений от заведенного порядка не допускалось. Бракке запомнил, что ему подали к чаю так мало белого хлеба, что он был голоден; он попросил лакея подать еще хлеба, но лакей объяснил, что порции установлены самим графом и без его приказания порция хлеба не может быть увеличена²⁰. Трудно сказать, что тут было сильнее — скупость или аккуратность.

Чистота в Грузии была доведена до крайности; Аракчеев часто чистым платком вытирал пол под мебелью, и, если платок пачкался, прислуга подвергалась строгим наказаниям. Все начальники в Грузии были обязаны доносить по установленным формам о ходе хозяйства и даже о самых ничтожных делах; например, старшему официанту вторым пунктом инструкции было приказано: "еженедельно присылать ко мне рапорты, прописывая в оных все, что случится по твоему ведомству".

Ту же крайнюю аккуратность Аракчеев проявлял и в своей служебной деятельности, как о том единогласно свидетельствуют его подчиненные — Мертваго, Маевский, Бракке, Эйлер. Всякое порученное ему дело Аракчеев исполнял аккуратно, педантично; он работал основательно; ошибок, недосмотров, а тем более запоздания никогда не было. Он приобрел репутацию большого дельца и даже великого государственного деятеля; его поклонники ставят ему в заслугу хорошее состояние нашей артиллерии, настойчивость, проявленную им в шведскую войну, и даже считают его хорошим военным министром. Нельзя отрицать, что Аракчеев высказывал иногда весьма дельные взгляды в качестве члена комитета министров, и некоторые его замечания как в журналах этого учреждения, так и государственного совета весьма основательны.

Психолог не компетентен в административных вопросах и потому не может с полной точностью оценить служебные заслуги Аракчеева; да это едва ли и возможно, так как решительно нельзя определить, что, собственно, было сделано Аракчеевым и что его со i рудниками; кто же не знает начальников, приписывающих себе все хорошее, сделанное подчиненными, и сваливающих все свои ошибки на тех же подчиненных. Поэтому если бы даже было с полно!! очевидностью доказано, что за время управления нашей артиллерией Аракчеевым она достигла блестящего состояния, это нисколько бы не доказывало, что этим она обязана Аракчееву: у него мог быть скромный, талантливый помощник; во время войн могли выдвинуться талантливые артиллеристы. Наконец, блестящее состояние нашей артиллерии едва ли может быть доказано. В Бородинской битве у нас было 640 орудий, а у французов только 587 (Энциклопедический словарь Брокгауза — Ефрона. Т. IV. С. 439). но мы не сумели воспользоваться своим превосходством в числе орудий,

Для психолога имеет большое значение свидетельство Эйлера: "В это время артиллеристы интриговали, чтобы удержать от принятия на службу графа Аракчеева; по все хлопоты и усилия оказались тщетными: в конце мая 1803 года

граф Аракчеев назначен инспектором всей артиллерии и командиром гвардейского артиллерийского батальона²¹. Для психолога несомненно, что не любимый своими подчиненными начальник не может организовать живого дела, вдохнуть жизнь в учреждение. Справедливость этой аксиомы Аракчеев доказал своей деятельностью в военных поселениях; его громадная власть, редкое трудолюбие, опытность, деловитость - все это не могло создать жизнеспособного учреждения.

Ставят в заслугу Аракчееву его участие в шведской войне: однако и его поклонники говорят, что он лишь передал полководцам приказание государя энергично продолжать войну; значит, главная заслуга принадлежит самому государю, а Аракчеев лишь точно передал приказание императора. Мертваго пишет, что было крайне трудно и даже казалось невозможным снабжать армию продовольствием, и это затруднение устранил не Аракчеев, а он, Мертваго²². Так как Аракчеев был неспособен действовать иначе, как по установленным формам, то можно поверить, что Мертваго предложил ему новые способы доставки продовольствия.

Несомненно, что Аракчеев не только сам много и с педантичной точностью работал, но заставлял и подчиненных работать много и крайне аккуратно. Я думаю, что правильнее всех оценивает служебную деятельность Аракчеева Брадке. "Поистине редкая и строго направленная деятельность, необыкновенная правильность в распределении времени и воздержание от безмерного пользования плотскими наслаждениями давали ему очевидную возможность совершать более того, что могло быть сделано обыкновенным путем, и служили в его беззастенчивой руке бичом для всех его подчиненных"²³. Аракчеев, бесспорно, работал в своей жизни очень много, сделал гораздо больше, чем все его современники, но все это не доказывает, что он обладал глубоким и широким умом. Это был педант, крайне трудолюбивый, отчаянный формалист и консерватор по натуре.

Весьма дельные суждения Аракчеева в комитете министров, в Государственном совете дают право допускать у него крупные умственные способности²⁴, но ведь нужно доказать, что эти дельные суждения принадлежали самому Аракчееву, а не были выработаны кем-либо из его подчиненных. Вся деятельность Аракчеева заставляет меня думать, что в высшем государственном управлении за него работал кто-либо другой, что сам он не мог вследствие "крайней узости ума" быть дельным государственным человеком. Шениг²⁵ рассказывает, что Аракчеев поручал рассмотрение важнейших дел тайному советнику Ф. П. Львову; это, по словам Шенига, "был человек ума и способностей необыкновенных". "Ф. П., возвратясь домой, в кругу семьи, в которой и я был принят, как родной, смеялся над глупой необразованностью Аракчеева". Трудно не верить столь категорическому свидетельству почтенного и образованного Шенига.

Как известно, Аракчеев в 1812 г. советовал заключить мир, так как не верил в победу России; к счастью, на этот раз государь не послушался совета "верного друга". Аракчеев решительно не понимал общего положения дел в эпоху Отечественной войны, что едва ли свидетельствует в пользу его государственного ума. Впрочем, убеждение Аракчеева в непобедимости Наполеона отчасти могло зависеть от его колоссальной трусости.

К сожалению, всегда довольно ограниченных людей и немало холопов, преклоняющихся перед успехом; сильные мира сего всегда окружены почитателями их необыкновенных способностей. Многие, очень многие совершенно бескорыстно преклоняются перед лицами, имеющими успех в жизни. Принято, что для успеха нужны выдающиеся способности; следовательно, человек, добравшийся на верхние ступени, обладает выдающимися способностями. Так рассуждают очень многие, и потому вполне естественно, что и Аракчеева считали очень умным, великим государственным человеком. Только великий Штейн правильно оценил Аракчеева,

но, как то и должно было быть, этот государственный человек очень скоро оказался не у дел. И в Пруссии и в России действительно умные люди пользовались меньшим успехом, чем Аракчеевы. Только Наполеон оценил по достоинству Штейна и потому считал его для себя опасным; для лиц, не наделенных проницательностью Наполеона, Аракчеев казался государственным человеком. Нужно заметить, что Аракчеевы всегда находят поклонников и покровителей, потому что они полезны своим начальникам; естественно, что начальники награждают точных исполнителей, а толпа поклоняется успеху.

Психологический анализ умственных способностей Аракчеева устанавливает действительные свойства ума этого деятеля, объясняет нам, почему Аракчеев казался государственным человеком, почему всюду его деятельность приносила больше вреда, чем пользы.

В заключение следует отметить, что Аракчеев обладал выдающейся работоспособностью, редкой неутомимостью, что, конечно, свидетельствует о хорошем питании головного мозга; нужно думать, что в этом отношении Аракчеев был вполне здоровый человек. Даже принимая во внимание, что Аракчеев правильно распределял свое время, не тратил свои силы понапрасну, все же мы можем лишь удивляться его неутомимости, его работоспособности. Понятно, что большое количество работы, произведенной Аракчеевым, импонировало современникам, давало им основание считать его выдающимся деятелем. Человек умный, но легко утомляющийся может оказаться не столь продуктивным, как человек ограниченный, много работающий.

Наконец, Аракчеев много работал, потому что вследствие особенности своей организации ничем не отвлекался от работы; это давало ему громадное преимущество перед его конкурентами.

Несмотря на все эти благоприятные условия, ничего полезного, ничего прочного Аракчеев создать не мог; там, где он работал самостоятельно, то есть в военных поселениях, все свидетельствовало, что Аракчеев отличается крайней узостью ума.

Только по недоразумению Аракчеева можно считать государственным деятелем; к этой деятельности он был и не подготовлен и совершенно не способен. Нужно отдать ему справедливость в том, что он и не претендовал на роль государственного мужа; он просто исполнял приказания и потому несет ответственность лишь как исполнитель. Аракчеев исполнял аккуратно и с большим трудолюбием все поручения, на него возлагавшиеся: муштровал солдат, командовал артиллерией, управлял министерством, запарывал до смерти "взбунтовавшихся" военных поселян, устраивал военные поселения, "надзирал" над кабинетом министров. Аракчеев понял, что он не может работать сам в этом учреждении, и, пользуясь своим исключительным положением, заставлял за себя работать Львова, Марченко, Муравьева и Пукалова. Никакой системы, никакой программы у него, конечно, не было, и он ограничивался тем, что исполнял волю своего господина, конечно не забывая своих грубых интересов. Государь поручил ему примирить А. Н. Голицына с митрополитом Серафимом; Аракчеев не был настолько глуп, чтобы не понять, что ссора А. Н. Голицына с митрополитом на руку ему самому, и не он виноват, что примирение не состоялось и А. Н. Голицын потерял портфель. Виноват тот, кто дал такое поручение сопернику А. Н. Голицына. Так как Аракчеев был типом настоящего раба, то доверие к нему господина было полное, и несет ответственность творец системы, а не исполнявший приказания господина раб. Аракчеев может быть обвинен лишь в том, что он не указывал на весь вред от исполнения полученных им приказаний, но рабы не могут говорить правды, да Аракчеев, по узости своего ума, и не мог оценить систему, исполнителем которой он был. Изучение деятельности Аракчеева выясняет, как вредны рабы, облеченные властью, как они вредят своему господину, но, пока в рабах существует

потребность, аракчеевых будет много.

III

Аракчеев был наделен крайне "узким" умом и вместе с тем его чувствования, если можно так выразиться, отличались "крайней узостью". Таким лицам вообще живется легко на свете, и можно доверять искренности Аракчеева, когда он уверял Маевского, что он вполне доволен своей судьбой. "А вот тебе Бог свидетель, что я своим совершенно доволен и ничего больше не желаю"²⁶.

Его религиозные чувствования были очень слабо развиты, и религия не играла большой роли в его жизни; он относился к браку, как человек нерелигиозный; со своей женой он разошелся без всяких колебаний и сомнений. Насколько Аракчеев не понимал религии и даже не уважал ее основных требований, можно судить по сделанной им надписи на могиле Минкиной: *здесь похоронено тело мученицы Анастасии, убиенной дворовыми людьми села Грузина за беспредельную и христианскую любовь ее к графу*²⁷. Он похоронил Минкину в грузинской церкви возле приготовленной для себя могилы. Я думаю, что эта грубо циническая надпись убедительно доказывает крайнюю нерелигиозность Аракчеева.

Он построил в Грузии прекрасный храм, следил за соблюдением религиозных обрядов со стороны своих крепостных, посещал богослужения, но очевидно, что он понимал лишь обрядовую сторону религии, пользовался ею как дисциплинирующей силой. Свиязев рассказывает, какой порядок Аракчеев завел в грузинской церкви: "Все готово было к службе, входная дверь отворена. Вот граф вышел из дворца, дьякон вошел на амвон и провозгласил "благослови владыко", лишь только граф вступил в церковь". По своему изумительному тщеславию Аракчеев, чтобы поднять значение своего Грузина, утверждал, что будто бы Андрей Первозванный именно приплыл в Грузино; в церкви Аракчеев поставил статую апостола; на фризе были написаны слова, будто бы им произнесенные: "Да будет благословенна страна сия отныне и до века"²⁸. Таким образом, Аракчеев пользовался даже религией для того, чтобы себя возвеличить.

Эстетические чувствования у Аракчеева совершенно отсутствовали; он не понимал и не любил красоты. Все произведенные им постройки отличаются полным безвкусием и едва ли не самые безобразные здания в России — это казармы, построенные графом. Грузино, которым он так гордился, долго было памятником казарменной, в худшем смысле этого слова, архитектуры. Также он совершенно не любил поэзии и ничего не понимал в живописи и музыке; сад в Грузии был красив, и Аракчеев не жалел на него денег, но не из любви к красоте, а из тщеславия. Грубому вкусу сладострастного Аракчеева были доступны только скабрзные картинки; он устроил в парке павильон, стены которого были украшены зеркалами; с помощью секретных ключей зеркала открывались, и Аракчеев любовался циничными картинками. Это же удовольствие он доставлял избранным посетителям Грузина.

Под старость, тяготясь бездеятельностью, Аракчеев даже покровительствовал искусству, но его непонимание искусства ясно выразилось в том, что он щедро платил лицам, лишенным таланта, например художнику Афанасьеву, поэту Олину и т. д. Располагая большими средствами и будучи крайне тщеславным, Аракчеев покупал дорогие вещи, но все они были так безвкусны, что при аукционе его имущества в Петербурге, по словам Шенига, они продавались дешево.

Аракчеев был совершенно лишен альтруизма; он не сочувствовал страданиям людей; слабость или недоразвитие его нравственных чувствований можно даже считать явлением патологическим; конечно, нужно принимать во внимание время, в которое жил Аракчеев, но ведь и современники удивлялись его нравственной тупости. Особенно важно, что нравственная нечувствительность проявилась очень

рано, а именно в отроческом возрасте, а может быть, и в детстве, чем и объясняется нелюбовь к нему его бабушки. Весьма возможно, что *нравственное слабоумие* Аракчеева было проявлением вырождения; у одного брата было нравственное слабоумие, у другого — падучая болезнь и алкоголизм. Массой говорит, что Аракчеев уже в корпусе выделялся "возмутительной грубостью", а Бернгарди его считал жестоким до зверства.

Недоразвитие альтруизма у Аракчеева поражало его современников, возмущало их; в царствование Павла Петровича Аракчеева презирали все порядочные люди так же, как и в царствование Александра Павловича; падение Аракчеева в следующее царствование вызвало всеобщую радость. Очевидно, что Аракчеев резко выделялся из своих современников, и потому его жестокость никоим образом нельзя объяснить влиянием воспитания и окружающей среды. Нравственное слабоумие Аракчеева даже вредило его служебной карьере; Павел Петрович два раза увольнял Аракчеева; Александр Павлович, несмотря на свою горячую дружбу к Аракчееву, долго не решался вполне передать ему все дела, так как знал, что жестокость его друга вызовет всеобщее негодование. Только достигнув полного могущества и высшей славы, Александр Павлович решился не обращать внимания на всеобщую ненависть к своему лучшему другу.

Нравственное слабоумие Аракчеева несомненно для нас и потому, что жестокость его не оправдывалась даже высшими соображениями. Филипп II, Петр Великий совершили много самых жестоких казней, причинили много страданий, и Аракчеев сравнительно с ними может считаться кротким и благодущным чиновником, но его нельзя сравнивать с этими политическими деятелями. Они преследовали идеальные цели, боролись с врагами и жестоко расправлялись с теми, кто, по их убеждению, заслуживал жестокого наказания. Казни, пытки, наказания были средства, оправдываемые высокой целью; Аракчеев никакой цели не преследовал, жестокость его была не только вполне излишня, но даже вредила ему самому. Он подвергал жестоким наказаниям крепостных за пьянство только потому, что не любил пьянства и считал его вредным для своего хозяйства; он не понимал военного дела и потому муштровал солдат только для того, чтобы составить собственную карьеру; он продолжал мучить солдат и тогда, когда достиг высокого положения. Ему не доставляли не только страдания, но даже неудовольствия чужие страдания, и потому он причинял страдания по самому ничтожному поводу и даже без всякого повода.

Наконец, необходимо обратить внимание, что Аракчеев никогда не испытывал угрызений совести, всегда был вполне доволен собою, никогда сомнения его не беспокоили. Врач Аракчеева рассказывал Бракке, что пьяный Шумский укорял Аракчеева в его злодеяниях; Аракчеев прогнал Шумского. Вся деятельность Аракчеева свидетельствует, что он никогда не сомневался в своей правоте, что никогда его не мучили угрызения совести, что он был совершенно нечувствителен к страданиям ближних. В течение всей своей жизни он всегда и везде, насколько то было в его власти, причинял страдания своим ближним; в начале его деятельности от него страдали кадеты, в конце только крепостные; единственная цель, для которой причинялись эти страдания, — это благополучие Аракчеева. Он совершенно не сознавал своей жестокости, что доказывается его крупным пожертвованием на премию за лучшее описание царствования Александра Павловича. Очевидно, Аракчеев был уверен, что беспристрастный историк воздаст хвалу славным деяниям лучшего друга императора.

Аракчеев ничуть не старался обуздать, смягчить свою жестокость; в продолжение всей своей жизни он всегда одинаково был жесток, поскольку то позволялось существующим порядком. Он никогда не обнаруживал снисходительности, сострадания, но никогда и не переходил за границы дозволенного. Сострадание ему

было так же чуждо, как и любовь к людям. Для него все человечество было лишь орудием для достижения собственного благополучия; в этом была его сила, достаточно могущественная, чтобы при всем его ничтожестве причинить много зла всей России.

Ничтожный Аракчеев, бесспорно, самый вредный человек XIX в.; как нравственно слабоумный, ничего полезного и хорошего он сделать не мог.

Аракчеев был расчетлив и безжалостно эксплуатировал труд крепостных и вообще лиц, от него зависящих; как человек крайне тщеславный, он не останавливался даже перед большими затратами, чтобы пустить пыль в глаза, но он не допускал ни малейшего бесполезного расхода. Он купил великолепные облачения для причта грузинской церкви, но строго приказал в случае дурной погоды крестный ход совершать в старых ризах. На случай приезда гостей прислуге сделана была богатая ливрея, но когда гости уезжали, сам Аракчеев следил, чтобы ливрея была аккуратно уложена и т. п. До чего доходила скардность Аракчеева, можно судить по следующему: для пожалованной ему яхты он держал в Грузии казенных матросов. Они держали караул при перевозе, при господском доме, производили экзекуции, возили навоз, сгребали снег, кололи дрова и т. п. Продовольствие им шло от адмиралтейства, Аракчеев снабжал их только серыми шапками и полушубками, которые отбирались в случае смерти матросов. *Похороны их производились на артельный счет*²⁹.

Нужно принять во внимание, что доходы Аракчеева намного превышали его расходы; потребности его были очень ограничены; он сам не любил роскоши и только из тщеславия содержал дом на барскую ногу и то напоказ. Кроме дохода с Грузино он пользовался большим жалованьем и потому вовсе не имел надобности учитывать каждый грош; он и сам не знал, для чего копил деньги, соблюдал во всем крайнюю экономию, эксплуатировал своих крепостных.

В 1826 г., собираясь ехать за границу лечиться, Аракчеев просил государя о пособии, ссылаясь на ограниченность своих средств, просил своего врага А. Н. Голицына о том, чтобы некоторые пожалованные ему вещи и сервиз были куплены в кабинет по "христианской" цене. Государь пожаловал Аракчееву 50 000 руб.; эти деньги граф пожертвовал на содержание пансионеров имени императора Александра Павловича в институте³⁰. Даже трудно понять, зачем Аракчеев в этом случае ставил себя в неловкое положение своими просьбами; выпрашивать пособие для того, чтобы хвастнуть своею щедростью, может не всякий, тем более что Аракчеев располагал свободными деньгами и мог пожертвовать 50000 руб., не испрашивая пособия и не продавая пожалованных вещей.

Автор биографии Аракчеева в словаре Брокгауза — Ефрона говорит о "бескорыстии" графа (т. II, с. 9); действительно, по сравнению с другими случайными людьми, Аракчеев не пользовался своим положением, чтобы накопить колоссальное богатство. Нельзя отрицать, что в своем бескорыстии он руководился расчетом; не выпрашивая наград, он имел право на уважение государя, справедливо ценившего честность своего друга; злоупотреблять своею властью Аракчеев, имея много врагов, не мог: о его злоупотреблениях известили бы государя.

Но, однако, Аракчеев не был вполне бескорыстен, и хотя меньше других, но все же пользовался своим положением. Так, он, конечно, знал, что его любовница Пукалова брала взятки, и даже громадные; он был настолько умен, что знал о торговле Пукаловой орденами. Котлубицкий рассказывает, что Аракчееву построили дом в Грузии артиллерийские солдаты; император Павел Петрович узнал об этом злоупотреблении, но благодушный Котлубицкий спас Аракчеева от ответственности³¹. Может быть, этот урок послужил на пользу Аракчееву, и он впредь уже не рисковал своей карьерой.

Отто сообщает, что Аракчеев заставил своих крестьян сделать шоссе; затем он

сам высчитал стоимость этой работы в 89 589 руб. Счет этих издержек он представил в комитет министров, выразив желание получить из казны затраченную сумму; понятно, желание Аракчеева было исполнено. В 1817 г. он получил эту сумму и внес ее в государственную комиссию погашения долгов, с тем чтобы проценты со всей суммы обращались на уплату государственных податей с грузинских крестьян³². Чтобы оценить благодеяние, сделанное крестьянам Аракчеевым, нужно заметить, что шоссе для сохранения в безукоризненной исправности запиралось большими чугунными воротами, ключи от которых хранились в графском доме. Даже крестьяне, соорудившие шоссе, не смели по нему ездить и должны были пользоваться другою дорогою, которая шла в стороне от шоссе. Такая скупость могла прийти в голову только Аракчееву; ему было жаль даже шоссе.

Аракчеев был воздержан в пище, а спиртные напитки употреблял редко и в небольшом количестве. Скупость, педантизм и тщеславие графа проявлялись даже за обедом; Бродке пишет: "Обеденный стол графа был весьма хорош, но порции не должны были превышать известной меры; так, например, куски жареного или котлеты были определены по числу гостей, и горе тому, кто возьмет две котлеты: он мог рассчитывать на долгое преследование со стороны графа. Малейшая пылинка на стене, едва приметная для микроскопического наблюдения, имела последствием для слуги палочные удары и арест для чиновника"³³.

Аракчеев пил лишь виноградные вина и в весьма умеренном количестве; вино не доставляло ему удовольствия, и он не понимал толка в винах: он покупал недорогие вина. Лица, желавшие быть приятными Аракчееву, а таких, к стыду нашему, было очень много, знали, что гастрономический обед и тонкие вина не доставляли удовольствия Аракчееву.

Граф не нюхал табак, потому что государь не любил "табашников"; по словам Аракчеева, ему не было трудно отказаться от этого тогда столь распространенного удовольствия³⁴.

Вообще, "плотские наслаждения" не играли значительной роли в жизни Аракчеева; он даже мало ценил комфорт и жил весьма скромно в Петербурге в казенном доме; конечно, если бы роскошь и комфорт доставляли ему значительное удовольствие, он обставил бы себя роскошно на казенный счет.

Так же равнодушен он был ко всем видам спорта; охотой он не занимался, не ловил рыбу, не катался верхом; он держал хороших лошадей, но лишь из тщеславия.

Аракчеев был сладострастен, но он искал лишь плотских наслаждений и не любил женского общества, не ухаживал за женщинами, не кутил с ними, а потому женщины не отвлекали его от дела.

Он не любил общества, не любил общественной жизни; он посещал балы и собрания лишь по необходимости; в свободное от службы время он играл в бостон с близкими знакомыми; но карточной игрой никогда не увлекался и не играл на крупные куши. Это было единственное удовольствие, которое он себе позволял; оно отнимало у него мало времени и почти ничего не стоило.

Все остальные наслаждения для Аракчеева как бы не существовали, и потому он не растрчивал понапрасну своих сил, как то делали его сослуживцы; ему жилось хорошо уже потому, что он от жизни не требовал того, чего добиваются почти все.

Казалось бы, что человеку с такой "узостью" чувствований решительно не было надобности работать и служить так напряженно, как трудился Аракчеев. Грузино удовлетворяло всем потребностям Аракчеева: у него были Минкина и крепостные наложницы, также не могло быть недостатка в партнерах на партию бостона. Аракчеев всю свою жизнь не только упорно трудился, но хлопотал, старался, добивался высокого служебного положения, сильно страдал, когда потерял свое исключительное служебное положение. Последние годы своей жизни он провел в

добровольном уединении, был крайне угнетен; жизнь потеряла для него всю прелесть только потому, что он не был временщиком, но пользовался неограниченным доверием государя.

Очевидно, что Аракчеев никогда не стремился принести пользу своему отечеству. "Что мне до отечества", — не постыдился сказать этот "государственный человек". Поэтому, конечно, Аракчеев страдал не потому, что лишился возможности быть полезным, даже не потому, что лишился привычной деятельности: он мог бы оставаться на службе, если бы того сам желал.

Основным мотивом всей деятельности Аракчеева было страшно развитое тщеславие. Он был до невероятия тщеславен, и это чувство было развито на счет всех остальных. Насколько слабо были развиты все остальные чувствования, настолько сильно было у Аракчеева тщеславие.

Самое глубокое объяснение тщеславия принадлежит Ницше; тщеславие, учил этот философ, есть признак слабых, свойство рабов. "Тщеславный человек радуется каждому хорошему мнению, которое он слышит о себе (совершенно независимо от его полезности, а также не обращая внимания на его истинность или ложность), точно так же как от всякого дурного мнения он страдает: ибо он подчиняется обоим, он *чувствует* себя подвластным им в силу того древнейшего инстинкта подчинения, который проявляется в нем"³⁵.

Аракчеев, удалившись от дела, сильно страдал от того, что льстецы его оставили и он мало слышал столь необходимых для него похвал. Насколько Аракчеев в эпоху своей силы нуждался в похвалах и даже в грубой лести, свидетельствует Маевский. Этот неглупый генерал, избранный самим государем в помощники Аракчееву, по званию командующего военными поселениями, понял, что, для того чтобы ужиться с Аракчеевым, нужно ему бесцеремонно льстить. Конечно, можно относиться с порицанием к Маевскому, но он был только не лучше своих современников. Чтобы ужиться с Аракчеевым, нужно было ему льстить и нужно думать, что Маевский уступал в этом искусстве некоторым своим сослуживцам, так как Аракчеев относился к нему неблагосклонно. Можно пожалеть, что только Маевский был вполне откровенен в своих воспоминаниях, но и их достаточно, чтобы оценить размеры тщеславия сиятельного "раба". Маевский приводит несколько своих разговоров с Аракчеевым, свидетельствующих о его тщеславии; можно здесь ограничиться двумя.

"Граф: Что обо мне говорят у вас в армии?

— Удивляются всеобщему вашему гению и невероятным вашим трудам, которые вы посвятили отечеству; а несчастные благословляют ваше правосудие и милости...

Ваше сиятельство можете быть причислены к феноменам нашего века. Ваш гений ставит вас выше всех смертных. И если можно кого поставить в параллель к вам, то это не больше как Меттерниха, Веллингтона и Наполеона.

Граф (с довольной улыбкой): Где мне до них! Это народ ученый, образованный, а я учился на медные деньги. У них целые королевства, а у меня одно Грузино — и тем я, Бог свидетель, доволен.

— Ваше Грузино, конечно, лучше всех резиденций германских князей и многих королев.

Граф (очень довольный): А кто его сделал таким? Я!.. Я для управления его сотворил особую методу. И если бы я был частный человек, то выдал бы ее в свет. Конечно бы короли учились по ней управлять народом..."

Ужасное и даже нелепое тщеславие Аракчеева было известно всем, кому приходилось иметь с ним дело, и даже игуменья монастыря, в который Аракчеев отдал на воспитание племянницу Минкиной, писала ему: "Присоветуйте что-нибудь, мой почтенный *Сюлли*³⁷: ваша *опытность* все сие может постигнуть"³⁸.

Общеизвестно, что Сперанский³⁹ должен был расточать похвалы деятельности

Аракчеева; без этой взятки он не мог устроиться в Петербурге. Конечно, Сперанский не мог льстить так грубо, как Маевский, но несомненно, что многие превосходили даже Маевского.

Похвалы были необходимы Аракчееву, и когда он увидел, что его хвалить перестали, и даже ожидал, что начнут порицать, он не мог оставаться на службе; он понял ясно положение. Он пожелал сопровождать траурную колесницу с прахом Александра Павловича до Царского Села. Аракчеев хотел стать на колесницу; но флигель-адъютанты сначала его не допустили, а когда он испросил на то позволение графа Орлова-Давыдова, то они все-таки настояли, чтобы удержать правую сторону, и всегда двое дежурных стояли во время дороги на правой стороне, а Аракчеев один на левой⁴⁰.

Защитники Аракчеева ставят ему в заслугу, что он отклонял от себя все награды; он отказался от Андреевской ленты, от ордена Черного Орла, от чина фельдмаршала; когда государь пожаловал ему свой портрет, украшенный алмазами, Аракчеев возвратил алмазы и носил портрет без них. В этом отношении Аракчеев среди наших сановников составляет исключение, да и всюду сановники принимают почетные награды. Конечно, такое отношение к наградам ничуть не доказывает скромность Аракчеева; отказ его от наград мог быть обусловлен расчетом: он хотел доказать государю свое бескорыстие и свою независимость; отказываясь от совершенно ему ненужных наград, он выигрывал во мнении государя. Аракчееву Андреевская лента и т. п. были совершенно не нужны, так как все знали, что его власть гораздо больше, чем всех андреевских кавалеров, вместе взятых⁴¹. Не принимая наград, Аракчеев выделялся среди своих сослуживцев, и нужно отдать ему справедливость, что его тщеславие подсказало ему прекрасный способ выделиться среди украшенных высшими наградами, но лишенных власти сановников. Аракчеев, разыгрывая скромного и независимого слугу государя, добился того, что в чине генерала от артиллерии и кавалера ордена св. Александра помыкал андреевскими кавалерами. Едва ли он понимал, что своим отношением к наградам он подрывал значение почетных наград, оказывал неуважение к власти, жалующей орденами и чинами. Конечно, между нашими сановниками было немало людей тщеславных, но никто не решался отказываться от наград, за исключением тех случаев, когда предложенная награда казалась награждаемому недостаточной; только Аракчеев обладал настолько громадным тщеславием, что решился выделиться из сослуживцев неимением наград, на которые имел право. Люди тщеславные всегда стремятся выделиться, отличиться от других; Аракчеев намного превзошел всех тщеславных сановников.

Насколько был тщеславен Аракчеев и насколько мелочно было его тщеславие, можно судить по тому, как он искал похвал в последний период своей жизни.

Валерьян Олин сочинил похвальные стихи в честь Аракчеева; граф послал ему 500 руб. Аракчеев распространял изданную им книгу "Описание Грузина"; также он издал литографированные грузинские виды на 37 листах, к ним было приложено 6 листов планов с объяснениями⁴².

Тщеславие Аракчеева выливалось в самую нелепую и грубую форму; например, в церкви Юрьевского монастыря на медной решетке была вырезана, конечно по желанию или, по крайней мере, с согласия графа, следующая надпись: "На сем месте болярин Ал. Андр. Аракчеев, в дни скорби своей, возсылал теплыя свои молитвы к Богу"⁴³. На особой доске в грузинском соборе были перечислены все походы, в которых участвовал Аракчеев. Граф заказал в последние годы своей жизни дорогой памятник Александру Павловичу; он пожелал, чтобы русский воин у подножия памятника имел в лице сходство с ним, Аракчеевым. Но мысль эта почему-то не осуществилась. Только на щите воина изображен был герб графа с его девизом: *без лести предан*.

Крайнее тщеславие окончательно испортило положение графа в царствование Николая Павловича. Как известно, Аракчеев напечатал рескрипты и письма к нему императора Александра Павловича, Маевский рассказывает, что Аракчеев ему говорил в январе 1826 г.: "У вас, конечно, теперь толки: граф упал по милости царя ... Вот расскажи это всем и внуши, что граф не упал и что ему должно по-прежнему повиноваться... моя благодарность вот эти письма (подает мне целую связку собственноручных писем императора Александра) ... Цари не имеют таких писем. Я их напечатаю и покажу целому свету".

Тут невольно припоминается сказанное Ницше о тщеславии. "Это "раб" сказывается в крови тщеславца, это остаток лукавства раба — а сколько "рабского" осталось, например, еще до сих пор в женщине! — силится *соблазнить* на хорошее мнение о себе, и тот же раб падает тотчас же ниц перед этими мнениями, как будто не сам он вызвал их"⁴⁴.

Как настоящий "раб", Аракчеев был тщеславен и труслив и потому, по первому требованию, возвратил экземпляры напечатанной им книги; конечно, он никого не обманул и все узнали, что его положение пошатнулось. Тщеславие и трусость, как объяснил Ницше, неразрывны.

Тщеславие Аракчеева поражает своею мелочностью; он сердился, когда его тщеславию наносили булавоочные уколы. Эйлер, человек вполне преданный Аракчееву, не заметив Аракчеева в числе молящихся в храме Юрьевского монастыря, подошел к кресту непосредственно за графиней Орловой. "Аракчеев незаметно вышел из придела и сам стал за мною, а между тем показывал неудовольствие, зачем я приложился к кресту прежде его. После службы мы все пошли в келью Фотия, где я тотчас извинился перед графом в невольной своей ошибке; но граф от перенесенных в это время огорчений сделался раздражителен и недоверчив и, несмотря на убеждения графини и Фотия, взявших мою сторону, остался на всю жизнь свою в уверенности, что я сделал это с намерением..."⁴⁵ Для характеристики эпохи следует прибавить, что эта поразительная мелочность Аракчеева не помешала Эйлеру считать графа одним из лучших граждан России.

Понятно, что Аракчеев был вполне счастлив, когда его все хвалили, т. е. когда он занимал высокое служебное положение, и был вполне несчастен, когда потерял это положение; он искал уединения в Грузии, где не рисковал услышать порицания, где его посещали лишь его прихлебатели и где перед ним трепетали его крепостные.

Относительно честности Аракчеева мы не имеем точных сведений, так как нам неизвестно с достаточной подробностью, насколько правдив был граф с государем. Мы не знаем, лгал ли он государю или говорил только правду, насколько часто он обманывал государя, а, бесспорно, именно в этих отношениях могла наиболее проявляться честность Аракчеева, так как он избегал сношений с равными и не церемонился с подчиненными.

Брадке, который мог только по слухам знать о том, насколько честен был Аракчеев по отношению к государю, так характеризует эти отношения: "Его отношения к императору Александру отличались ловкостью и тонким расчетом, но их нельзя было назвать честными. Под личиной строгой любви к правде и попечения о государственном благосостоянии он часто весьма грубо и непочтительно возражал ему; но как только он замечал, что государь не желает отступить от задуманного им намерения, то он тотчас убеждался его доводами и покорялся его верховным соображениям... За решительным отклонением всякой награды и всякого официального повышения скрывалось, под видом смирения, неограниченное высокомерие..."⁴⁶

Бесчестность Аракчеева по отношению к подчиненным не подлежит сомнению; Брадке, Мертваго и Маевский совершенно единодушны по этому вопросу. Брадке говорит: "С этою неумолимою бесчувственностью к благу и вреду своих

подчиненных соединял он в себе самое низкое лукавство. Так, например, держался он того правила, что следует каждому обещать настолько, чтобы побудить его к самой сильной деятельности; но не следует спешить с выполнением этого обещания, чтобы рвение не охладилось и привлекательная цель всегда оставалась бы перед глазами"⁴⁷. То же самое пишет Маевский⁴⁸: "Ежели ему хочется кого связать с собою (это выражение можно отнести к одному ему, ибо без сильной цепи не было человека, который бы мог ужиться с ним), то он вначале его ласкает, обнадеживает и дает чины и кресты на словах. Но когда утвердит его на месте, то обращается с ним, как с невольником, и позволяет себе все дерзости. Но чуть кто покажет вид гнева или захочет оставить его, того гонит с злодейскою жестокостью". Аракчеев даже грубо обманывал лиц, от него зависящих, как то доказывает дело Свиязева. Граф сделал объявление в газетах, что он ищет архитектора для военных поселений на жалованье 4000 руб. Свиязев, поверив объявлению, приехал с Урала и вступил в должность; его работы понравились Аракчееву, но граф ему назначил жалованья 2400. Когда Свиязев сослался на объявление в газетах, Аракчеев цинично ему ответил: "Ну что нам до газет" — и говорил ему: "Ты послужи у нас, и вот тебе сегодня чин, завтра крест, и выведем тебя в люди". Свиязев на это не согласился, и Аракчеев ему предложил "2400 явно, а 1600 инкогнито". Свиязев не доверял Аракчееву, отказался от службы; его спасло падение Аракчеева, так как в царствование Александра Павловича было в силе распоряжение — оставивших службу в военных поселениях никуда на службу не принимать. Свою службу в военных поселениях Свиязев называет "страшным сном наяву".

Маевский настойчиво утверждает, что Аракчеев бессовестно выдавал работу своих подчиненных за свою собственную, бесцеремонно пользовался чужой работой. По словам Шенига, то же говорил Львов. Мертваго также обвиняет в этом Аракчеева.

В этом отношении Аракчеев был только не честнее других, так как всегда были и будут начальники, выдающие труды подчиненных за свои собственные, но так грубо обманывать подчиненных, как это делал Аракчеев, могут лишь крайне лживые и злые люди.

Особенно ярко выступает лживость Аракчеева, если мы примем во внимание его высокое и прочное положение; чтобы лгать в таком положении, нужна особая любовь ко лжи, крайняя бесчестность. Такое бесчестное отношение к подчиненным дает основание доверять показанию Бадке о том, что Аракчеев грубо обманывал государя: "Подделываясь под чувствительное настроение монарха, он часто предавался нежностям и высказывал подчас как бы невольно сантиментальную преданность к государю в виде неудержимого порыва, чем успевал действительно внушать доверчивому монарху дружеское к себе расположение, которое иначе могло бы казаться непонятным".

IV

Аракчеев злобно относился как к высшим, так и к равным себе и низшим, но проявлял свою злобу лишь поскольку это не вредило его личному благополучию. Понятно поэтому, что проявлять свою злобу к высшим он мог лишь в исключительных случаях; с равными все же нужно было сдерживаться в известных границах; низших, подчиненных ему лиц он мог истязать сколько ему было угодно, но и в этих истязаниях он не переходил границ абсолютно запрещенного.

Шильдер⁴⁹ не высказывает сомнения "к любопытному рассказу, сохранившемуся в записках Михайловского-Данилевского. Император Павел неоднократно поручал Аракчееву инспектирование различных частей войск по России; при смотре Екатеринбургскому гренадерскому полку Аракчеев назвал знамена этого полка,

прославившегося в прошлых войнах своею храбростью, *екатеринскими юбками*". Аракчеев позволил эту единственную в истории армии выходку, потому что он рассчитывал на ее безнаказанность, вследствие враждебного отношения государя к матери. Но сколько злобы и ненависти должен иметь офицер-монархист, чтобы выражаться таким образом; как известно, императрица Екатерина Вторая не сделала ничего неприятного Аракчееву, и потому ненависть этого ничтожества к великой императрице является ничем не мотивированной; это именно проявление врожденной злобности, ищущей выхода. Органически злой человек, так же как и злое животное, набрасывается без всякого повода на безоружного; злоба Аракчеева к чести и славе армии, к Екатеринославскому полку, также ничем не была вызвана. Злая собака бросается на всякого и кусает того, кто не может защититься. Аракчеев не набрасывался на высших, потому что знал, что это очень невыгодно, но оскорбить покойную императрицу, армию и полк он мог, и он не упустил случая совершить это преступление, по случайным внешним обстоятельствам в то время ненаказуемое.

С таким же злорадством он делал шиканы великому Суворову; как офицер, он должен бы относиться почтительно к фельдмаршалу, графу и кавалеру высших орденов; заслуг Суворова, по своему невежеству, он мог и не понимать. Пользуясь своим исключительным положением любимца, он наделал много зла Суворову; он "колко и настойчиво докладывал государю о присылке Суворовым офицеров в Петербург". Аракчеев любовно исследовал и доложил государю, что адъютант Суворова Уткин прислан с одним партикулярным письмом. Зная, что государь рассердился на этот поступок Суворова и написал ему 2 января 1797 г. выговор, Аракчеев доложил государю, что Суворов, вопреки новому уставу, уволил в отпуск в Петербург подполковника Батурина, за что 14 января 1797 г. Суворову был сделан второй выговор. Злобность поведения Аракчеева явствует из того, что ему, конечно, хорошо было известно, что за дальностью расстояния Тульчина от Петербурга Суворов не мог своевременно узнать новые распоряжения. Суворов получал выговоры, настойчиво просил об отставке, и Аракчеев получил собственноручную записку государя для составления высочайших приказов. "Об отставке Суворова, по отзыву, что теперь войны нет"; приказ был отдан 6 февраля 1797 г. Ростопчин⁵⁰ со свойственной ему резкостью прекрасно изобразил этот подвиг Аракчеева: "Стопобедный Суворов попался в когти гатчинского капрала, который, в числе прочих, взялся смирять высокомерие екатеринских героев". Преображенские офицеры "громко говорили, что Аракчеев был главный виновник неудовольствия государя"⁵¹ на Суворова. Опять-таки злоба Аракчеева на Суворова ничем не была вызвана; к сожалению, есть люди, которым доставляет удовольствие сделать кому-либо зло. Едва ли Аракчеев не понимал, что увольнение Суворова не послужит на пользу государю,

С лицами, равными по положению в обществе, Аракчеев не сходилась вообще; он не скрывал к ним неприязненного отношения; ему доставляло удовольствие унижить, оскорбить важного сановника. "В известный день недели проводил он вечер, кажется, у генерала Апрелева. Тут за партией бостона непременно партнером его была сановитая престарелая личность, а именно, если не ошибаемся, светлейший князь Лопухин. На одном таком вечере хозяин предложил графу начать партию. "А где же князь Петр Васильевич?" — спрашивает Аракчеев. "Он прислал извиниться, что за болезнью быть сегодня не может". — "Какой вздор! Верно, старик поленился. Послать за ним!" И вот несчастный является. Садятся за ломберный стол, разумеется, с князем. Аракчеев, едва взяв карты в руки, подзывает кого-то из присутствующих, отдает ему игру свою и вставая говорит: "Играй за меня, а мне сегодня что-то играть не хочется", и тут же уезжает. Вот картина и драматическая сцена! Можно представить себе, как вытянулись лица хозяина и бедного князя.

Князю Вяземскому, сообщающему эту злобную выходку Аракчеева, "как-то нравятся эти проказы его"⁵², хотя он и называет эту выходку жестокой.

Но Аракчеев, пользуясь благоприятным случаем, позволял себе проявлять злобу еще более жестокими проказами, которые не могут нравиться даже и князю Вяземскому.

Графиня Головина рассказывает, что, когда она зарыдала у гроба императрицы Екатерины, "Аракчеев, приближенное лицо, взятое императором из ничтожества и сделавшееся выразителем его мелочной требовательности, сильно толкнул меня, сказав, чтобы я замолчала... Ее высочество (Елизавета Алексеевна) тихо подошла ко мне, за спиной протянула мне руку и пожала мою"⁵³.

Конечно, нельзя обвинять Аракчеева за то, что он зло мстил своим соперникам и вообще лицам, оказывавшим ему противодействие или не обнаруживавшим почтительности; властью злоупотребляют даже добрые люди, но Аракчеев с грубым злорадством оскорблял даже унижавшихся перед ним сановников. Князь Вяземский рассказывает, что на Аракчеева "находил веселый час, а этот веселый час падал особенно на самые именитые лица; на станции Чудове ожидала их повестка, в которой означалось, что туалетная форма изменена, так что приходилось им или возвращаться в город без допущения к лицезрению, или просидеть несколько часов на станции в ожидании посланного, который был отправляем курьером, чтобы привезти требуемые принадлежности одевания".

Подчиненные страшно страдали от злобности Аракчеева, который по отношению к ним позволял себе самые жестокие выходки, но всегда в границах дозволенного в данное время⁵⁴.

Пока Аракчеев служил в Гатчине, он не смел проявлять свою злобу по отношению к гвардии, но лишь воцарился его "благодетель", "новый капрал" уже не сдерживал себя. Когда во второй день царствования Павла Петровича А. М. Тургенев, в качестве ординарца, явился во дворец, Аракчеев к нему обратился со словами: "Ступай за мной, ракалия, являться к государю"⁵⁵. Тургенев ни в чем не провинился, и потому более резкой ругани ему выслушать не пришлось. Аракчеев ругал офицеров самыми площадными словами в этот период своей службы. Но тогда в армии еще были живы другие традиции, и такие "проказы" Аракчеева кончились для него дурно. Он обругал самыми площадными словами подполковника Лена, георгиевского кавалера, лично известного государю. Этот храбрый и благородный офицер в тот же день, написав письмо обесчестившему его начальнику, застрелился. Смерть Лена наделала много шума в городе; император потребовал письмо Лена "при той холодности, которую за события в Преображенском полку он начал оказывать; вероятно, многое было еще передано. Радостное событие рождения великого князя Михаила Павловича (28 января 1798 года) не обезоружило гнева государя; 29 января подполковник Лен был исключен из списков умерших; 1 февраля Аракчеев уволен в отпуск до излечения"⁵⁶.

Аракчеев после этого происшествия уже сдерживает проявления своей злобы по отношению к офицерам; он убедился, что оскорблять офицеров невыгодно для собственной карьеры. Пришлось на время ограничиться истязанием солдат и крепостных; хотя, конечно, Аракчеев и не помышлял о том, что ругать офицеров безнравственно и нецелесообразно. Он подчинился необходимости и ждал лучшего времени.

В 1804 г. Аракчеев, и вполне правильно, находил для себя полезным обнаруживать участие к подчиненным, ходатайствовать перед государем о пособиях. Так, в 1804 г. Аракчеев пишет государю, что офицеру Путвинскому, переломившему себе при падении два ребра, он "осмелился из находящихся у меня ваших дорожных денег оставить ему именем вашего величества". При осмотре Шостенского порохового завода он пожалел бедных рабочих и писал государю:

"Осмелился бы просить у вашего императорского величества сим бедным по рублю, ежели бы не боялся оным наскучить. Число же их 520 человек".

Аракчеев мог сдерживать свою злобу, но не мог изменить основного свойства своей организации, а потому, когда во второй половине царствования Александра Павловича достигнул полной власти, он стал обращаться с офицерами так же, как и в первый период своей службы.

К сожалению, с того времени многое в армии изменилось к худшему; завелись не только офицеры, терпеливо переносившие оскорбления, но дослужившиеся уже до генеральских чинов лица, которых можно было ругать, не опасаясь, что они отнесутся к этому так, как в 1798 г. подполковник Лен. Наконец, в армии были генералы, одобрявшие "проказы" Аракчеева; из них генерал Эйлер даже оставил записки, в которых, ничтоже сумняся, пишет: "...словом, граф Аракчеев был истинно великий государственный человек"; называет Аракчеева "одним из лучших ее (России) граждан...". "Повторяю, граф имел только одно дурное качество чрезвычайной строгости и даже жестокости; но окружающие всегда могли оную умерять до доброты, в доказательство чего приведу, что граф Аракчеев из моих подчиненных никого не сделал несчастным, а многим оказал большие милости".

Наверное, не один Эйлер (внук великого Эйлера) находил Аракчеева "лучшим гражданином" России, а потому можно судить, до какой степени изменилась нравственно наша армия за четверть века. С такими генералами, об офицерах и говорить нечего, Аракчееву не было надобности сдерживаться; поддерживаемый сверху, окруженный раболепием подчиненных, Аракчеев в военных поселениях мог вполне проявлять свой характер; он был, по меткому выражению Маевского, "ядовит, как таранул". В военных поселениях офицерам жилось очень тяжело; "они не смели ни ходить, ни сидеть, дабы не обтереть и не замарать того, что дано для их употребления". Аракчеев оскорблял офицеров без всякого повода; так, он представляющимся ему офицерам, то есть лицам, которых он не знал и которые ни в чем не провинились, говорил: "Я знаю армейскую вашу привычку: вы все любите воровать и брать взятки; ты не возьмешь, так возьмет твоя жена" и т. д. Представляя генерала Маевского, лично известного государю, его будущим подчиненным, Аракчеев сказал: "Не думайте, чтобы он (Маевский) что-нибудь значил. Я его тотчас сожму в рог: он не смеет ничего у вас брать. А если бы потребовал, пишите обо всем ко мне: вы посмотрите, что я с ним сделаю". В другой раз граф бранил генерала Чеодаева до того, что у него от слез сделались сильнейшие судороги. Поступок этот был в присутствии целой бригады. "Я (Маевский) подошел к нему и говорю: "Ваше сиятельство, генерал Чеодаев, полагая, что вы на него прогневаны, плачет, как ребенок. Утешьте его хоть немного".

Граф: "Это ваше дело. Ведь я его учу не к злу, а к добру. Вы бы ему растолковали, что граф милостивый и справедливый начальник и желает вам же добра, а потому и учу... За это надобно не сердиться, но благодарить меня".

Аракчеев хотя и мало, но все же знал военное дело, а потому мог понять, что он такими выходками разрушает дисциплину; но надругательство над генералом было так приятно злему временщику, что он не мог отказать себе в этом удовольствии. Злой человек не может не делать страданий для окружающих; чем страдание больше, тем приятнее злему человеку. Аракчеев знал, что его оскорбления причиняют страдания, что они не отзовутся дурно на его благополучии, и потому часто доставлял себе это удовольствие. Так как публичное оскорбление причиняет больше страдания, то он и не стеснялся даже требованиями дисциплины.

Мы должны вполне доверять заявлению Маевского: "Граф имел дар стеснять каждое состояние и поселять такую ненависть, которая доходила до иступления. Один ужас связывал язык, но чувство отражалось на физиономии". Заявление Маевского подтверждается тем, что понадобилось особое, явно незаконное

распоряжение не принимать ни на какую службу лиц, оставивших службу в военных поселениях; это распоряжение относилось даже к гражданским чиновникам, например архитекторам⁵⁸. Подчиненным Аракчеева жилось так плохо, что их пришлось удерживать на службе незаконной мерой. Так как большинство этих несчастных жило службой, то им оставалось на выбор: или переносить злобный деспотизм Аракчеева, или умирать с голоду.

Следовательно, военные поселения и качественно, и количественно превзошли Гатчину; чтобы оценить всю ответственность Аракчеева за эти злодеяния, нужно помнить, что сам начальник этой каторги был против военных поселений. Очевидно, что и сам Аракчеев не находил ни малейшего оправдания для всех злодеяний, им совершенных; единственной причиной и целью военных поселений было желание и воля государя, то есть Аракчеев начальствовал над военными поселениями только потому, что это было угодно государю, и, следовательно, способствовало благополучию самого Аракчеева. Он с усердием исполнял эту обязанность, она была ему приятна, пока он мог проявлять, не стесняясь, свою злобу, делать все, что ему хотелось. Когда вступил на престол Николай Павлович, Аракчеев тотчас же сдал эту должность: он знал, что теперь уже нужно руководствоваться законами; очевидно, что не само дело его интересовало, а он служил лишь из личных, грубо эгоистических расчетов. Поистине ужасно, сколько зла может сделать один злой человек только для удовлетворения своей злобы, только для своей карьеры. Устраивая вместо военных поселений земной ад, Аракчеев действовал в силу основного элемента своей личности — злобы; он был достаточно умен и потому понимал, что мучения всех служащих в военных поселениях не обеспечат процветания этого учреждения; он мог понимать, что страдания, а потому и озлобленность его подчиненных даже вредны для дела, но человеконенавистничество Аракчеева по силе достигало страсти и ослепляло его узкий ум.

Аракчеев даже между гатчинцами выделялся жестокостью к солдатам, а о гатчинцах не может быть двух мнений; Вигель⁵⁹ говорит: "Это были, по большей части, люди грубые, совсем необразованные, сор нашей армии... Между сими подлыми людьми были и чрезвычайно злые. Из гатчинских болот своих они смотрели с завистью на счастливых, кои смело и гордо шли по дороге почестей. Когда, наконец, счастье им также улыбнулось, они закипели мезтью". Еще резче о них выразился Ростопчин: "Цесаревич окружен был людьми, из которых наиболее честный заслуживал быть колесованным без суда"⁶⁰. Нужно было обладать редко встречающейся злобностью, чтобы выделиться между такими людьми, но Аракчеев, злодей по своей натуре, настолько отличался жестокостью, что летом 1796 г. получил поручение "приехать сюда на некоторое время вывести сей дух" (из батальонов Недоброва и Федорова)⁶¹. Общеизвестно, каким жестокосердием нужно обладать, чтобы выводить "дух"; нет ничего труднее, как "вывести сей дух", и даже гатчинцы были, по сравнению с Аракчеевым, так благодусны, что в их командах заводился "дух", для изгнания которого цесаревич находил наиболее подходящим Аракчеева.

Когда император Павел Петрович поручил Аракчееву исправление гвардии, он нещадно колотил солдат тростью, вырывал у солдат усы; Вигель утверждает, что Аракчеев укусил у одного гренадера нос и вообще с нижними чинами обращался, как бешеный бульдог.

Нет основания не доверять Массону, категорически утверждавшему: "Его бешеные выходки и удары палки стоили жизни не одному несчастному солдату, даже на глазах самого Павла". Жестокость Аракчеева по отношению к нижним чинам даже в то ужасное время считалась излишней, вызывала негодование, и государь охладел к Аракчееву. Ростопчин, как прежний однополчанин, принял участие в

судьбе несчастных преображенцев.

Потом, потому ли, что Аракчеев понял, что не в меру истязать солдат может не понравиться государю, или потому, что эту тяжелую обязанность ревностно исполняли преданные ему командиры, он был сдержаннее. Пользуясь своим высоким положением, он лишь распоряжался или руководил истязанием солдат. Так, он рекомендовал государю известного Шварца в командиры Семеновского полка, чтобы "подтянуть" полк; Шварц, по-видимому, человек недалекий, добросовестно следовал указаниям Аракчеева; плачевная история полка и самого Шварца общеизвестна⁶².

Аракчеев, в молодости обнаруживший свои способности выводить "дух", в 1819 г. послан был расправляться с взбунтовавшимися военными поселянами в Чугуеве; очевидно, что как в 1819 г., так и двадцать пять лет тому назад не было в России палача более жестокого, чем Аракчеев. Конечно, можно радоваться, что за четверть века никто в этом позорном ремесле не превзошел Аракчеева. В 1819 г. он так же блистательно, как и в 1796 г., выполнил поручение. Аракчеев грубо нарушил закон; приговоренным к смертной казни бунтовщикам (?) он заменил смертную казнь наказанием шпицрутенами "каждого через тысячу человек по двенадцати раз"; но и этого показалось мало Аракчееву; узнав, что пехотные солдаты недолюбливали поселенцев, он приказал производить экзекуцию именно этим солдатам. "Впрочем, при сем наказании присутствовали медицинские чиновники, кои прекращали оное по силе и сложению каждого преступника", — доносил Аракчеев государю.

В том же донесении Аракчеев пишет государю, что наказание "было строго и примерно". Мы должны в этом вполне поверить Аракчееву, потому что он желал истязанием добиться у своих жертв раскаяния и просьбы о помиловании. Отчаяние этих несчастных было так велико, что в первый день из 40 истязуемых только трое раскаялись и просили помилования. О своих подвигах, необычных даже в то время, Аракчеев нашел необходимым написать государю письмо "уже не государю, а к Александру Павловичу". В этом частном письме он пишет: "Я не скрываю от вас, что несколько преступников, самых злых, после наказания, законами определенного, умерли".

Насколько известно, не было исследовано, сколько человек были жертвою злобы Аракчеева; *несколько* — вот и все, что угодно было сообщить Аракчееву. Увы, теперь жестокость этого палача никаких неприятных последствий для него не имела — четверть века после смерти Екатерины прошло не бесследно. После 1819 г. влияние Аракчеева сделалось еще сильнее — он отдалил от государя Закревского, Волконского, А. Н. Голицына⁶³.

Едва ли за все время существования у нас крепостного права были крепостные более несчастные, чем крестьяне села Грузина. Злоба Аракчеева по отношению к его крепостным выражалась в систематической жестокости и неслыханном деспотизме. Правда, по жестокости Аракчеев не превосходил других злых помещиков уже потому, что это было невозможно; он даже уступал в жестокости известной Салтычихе и Л. Д. Измайлову. Но нужно принять в соображение, что Салтычиха была безусловно душевнобольная; она страдала "психозом сомнения", а Измайлов был, по меньшей мере, человек ненормальный и алкоголик.

Жестокость Аракчеева была ужасна именно тем, что она была возведена в систему. Аракчеев создал для своих крепостных уголовный кодекс и не допускал ни малейших отступлений. Лестница наказаний отличалась простотой: розги, всегда готовые и лежавшие в бочке, наполненной рассолом, палки, ужасная тюрьма, названная им Эдекул, и рогатка. "Рогатка, — по описанию Отто, — была крепкий деревянный ошейник с четырьмя концами или рогами, из которых каждый был длиною более полуаршина, что не давало человеку, наказанному таким образом, спать"⁶⁴. Необычайная жестокость Аракчеева состояла именно в том, что его

требования к крепостным были так велики и неисполнимы, что при всем желании избежать наказания это было совершенно невозможно. Аракчеев завел журнал для записи, кто именно, когда и за что был наказан; у каждого из дворовых была в кармане *винная* книжка, в которую вносилось всякое малое упущение⁶⁵. Самое ничтожное упущение ни в каком случае не прощалось; даже и неважные проступки наказывались страшно жестоко. Так, получив жалобу от садовника, что Антон и Палашка "вместе пьют", Аракчеев поручает старосте это дело "разобрать и ежели они в том окажутся виноваты, то их обоих, Антона и Палашку, высеки и надень на Антона рогатку, которую пусть носит до моего приказания, то есть когда я снять прикажу"⁶⁶.

Несомненно, что высшей степенью злобы следует считать желание отнять у человека ту небольшую свободу, которой он пользуется без нарушения наших интересов; и в этом отношении Аракчеев превзошел всех помещиков. Вполне понятно, что злые помещики истязали за неисполнение их приказаний, заставляли крепостных работать свыше сил, чтобы увеличить собственный доход, но никто не отнимал свободу у своих крепостных в такой степени, как Аракчеев. Его человеконенавистничество было так велико, что он лишил своих рабов даже той свободы, на которую никто до него не покушался. Он заставил своих крепостных жить в домах, построенных по его плану, причем он, понятно, не сообразовался ни с привычками, ни с потребностями крестьян; деревни были построены как казармы; требовались чистота и порядок, почти невозможные в крестьянском обиходе. По страсти к чистоте и любви к порядку Аракчеев запрещал крестьянам держать свиней, потому что эти животные роют землю и, следовательно, производят беспорядок. По этому поводу состоялось несколько графских приказов⁶⁷.

Крестьянки не раз слышали от Аракчеева слова: "У меня всякая баба должна каждый год рожать, и лучше сына, чем дочь. Если у кого родится дочь, я буду взыскивать штраф. Если родится мертвый ребенок или выкинет баба, тоже штраф. А в какой год не родит, то представь 10 аршин точила (холста)"⁶⁸. Жизнь несчастных крепостных Аракчеева была урегулирована правилами; Аракчеев сочинил краткие правила для матерей крестьянок грузинской вотчины. Эти правила должны быть читаемы, по крайней мере, раз в месяц и должны были храниться "у образной киоты". Что это были за правила, можно судить, например, по 24 и 25 параграфам. 24 — Каждая мать, и при занятии своим сельскими работами, должна младенца своего кормить, по крайней мере, три раза в день... 25 — Когда мать рассердится, то отнюдь не должна давать сосать груди младенцу⁶⁹. Нарушение всех этих правил строго наказывалось.

Аракчеев до такой степени ненавидел людей, что ему были неприятны чужие веселье и радость; он строго запретил своим людям собираться на посиделки. Пение веселых песен было запрещено и позволено было петь только что-нибудь духовное, священное⁷⁰. Сладострастный развратник жестоко преследовал в своем имени нарушение седьмой заповеди.

В отличие от помещиков-самодуров, Аракчеев заботился о материальном благополучии своих крепостных, преследуя чисто утилитарные цели; он учредил банк и больницу, но даже и в такое хорошее дело он внес свое человеконенавистничество. В больнице не только лечили, но и секли; так, 18 ноября 1828 г. рапортовано было Аракчееву: "Вашего сиятельства дворовая женщина Прасковья Григорьева сего числа выздоровела и, по наказании ее розгами, отправлена к г. штаб-лекарю Белоцветову"⁷¹. Особым приказом (28 янв. 1818 г. за № 104) Аракчеев повелел, "чтобы все выздоровевшие от болезней в госпитале крестьяне не иначе были из оного отпускаемы в свои дома, как возблагодарив в соборе за исцеление от болезни всех благ подателя, Бога, и по нем святого апостола Андрея Первозванного и приложась к его святой иконе". Итак, сперва

лечение, потом порка и затем строго предписанная молитва; много нужно человеконенавистничества, чтобы придумать такое надругательство над телом и душою человека, измученного перенесенной болезнью.

Отто описывает, с какою радостью крепостные Аракчеева узнали о смерти их мучителя; крестьяне были на работе, когда им сказали: "Граф помер"; они были так взволнованы, что побросали все дрова опять в воду. "Народ не знал и не понимал, что он делает. Эти сотни людей ходили на несчастных невольников, которых неожиданно освободили из ужасной тюрьмы или страшных застенков".

Необходимо заметить, что и по отношению к крепостным Аракчеев не переходил границ дозволенного; он делал возможное, по законам того времени, зло своим крестьянам, но ни разу не позволил себе нарушить закон; несмотря на всю свою злобность, он не впадал в аффекты настолько, чтобы окончательно терять власть над собою.

Аракчеев был достаточно умен для того, чтобы понимать, что одной жестокостью нельзя добиться наилучших результатов; он понимал, что одни наказания не достигают цели, и потому, когда то нужно было для его собственного благополучия, умел быть любезным. Так, Лубяновский⁷² описывает в своих воспоминаниях весьма разумное обучение Аракчеевым полка. В 1897 г. государь поручал Аракчееву выучить новому строю полк, стоявший в Ковне. Так как Аракчееву было выгодно как можно скорее выучить полк, чтобы поскорее вернуться ко двору, то он не только муштровал офицеров и солдат, но дома был приветлив и ласков. По вечерам офицеры приглашались на чай к Аракчееву; на этих собраниях генерал благосклонно и вразумительно изъяснял равнение строя, плутонги, эшелоны, пуан-де-вью, пуан-д'аптю и прочие мистерии воинского устава; позволял даже, и не без удовольствия, вопросы себе, отвечал терпеливо и с знанием дела; сам вопросами удостоверился, хорошо ли понято, о чем вчера говорено. Делает честь Аракчееву то внимание, с которым он отнесся к графу Ф. П. Толстому и ланкастерским школам; по отношению к Ф. П. Толстому он даже проявил удивительную снисходительность и любезность⁷³.

Аракчеев предпочитал пользоваться услугами вольнонаемного камердинера; когда служивший у Аракчеева рижанин покинул Грузино, Аракчеев просил его найти ему другого камердинера в Риге. Так же он искал вольнонаемных экономок в замену Минкиной; он держал вольнонаемного садовника. Можно думать, что Аракчеев понимал, что истязания не достигают цели, что знания и свобода лучше готовят людей к делу, чем наказания и рабство. Насколько того требовали его личные интересы, Аракчеев умел сдерживать свою злобу. Он делал зло не потому, что находил истязания и оскорбления безусловно необходимыми, а главным образом потому, что был зол и ненавидел людей.

Такое объяснение жестокости Аракчеева подтверждается тонким наблюдением, сделанным прислугой графа. Отто сообщает следующее: "Дворовые рассказывали, что они с нетерпением ждали только, когда в *ранжереях* поспеют вишни, потому что в ту пору становится граф как-то тише и поспокойнее. "Больной такой он был (он действительно страдал сильным геморроем), и в болезни с ним беда и сущее божье наказание было: ничем не угодишь и лучше на глаза ему не попадаться; а как вишен поест, так как будто добрее и ласковее становился. Ну и вот, когда заметим, бывало, что Ракчеев вишни кушает, так с радости перекрестимся и Бога благодарим, потому что к добру, значит". Как врач, я вполне доверяю этому наблюдению прислуги Аракчеева; несомненно, что злобность зависит от чисто органических причин, к сожалению, нам неизвестных. Слабительное действие вишен могло, конечно, хотя несколько, влиять на злобность Аракчеева; при запорах злобность его увеличивалась"⁷⁴.

Как ни велика была злобность Аракчеева, но до степени настоящих аффектов она

не достигала; граф был человек вполне собою владевший и ни разу в жизни не потерял власти над собою. Он ни разу в жизни в порыве злобы не совершил преступления, не превысил своей власти, а этим, конечно, могут похвалиться немногие; он всегда делал зло лишь постольку, поскольку это можно было совершать безнаказанно. Правда, он раз в жизни повредил себе своею злобностью, но это была только ошибка; как настоящий "раб", он не воображал, что Лен из-за таких пустяков, как ругань, — брань на ворота не виснет—покончит с жизнью, пошлет письмо к государю и письмо это дойдет.

Аракчеев обнаруживал удивительную сдержанность, когда встречал должный отпор. Так, Бадке рассказывает, а не верить этому благородному деятелю мы не имеем права, следующий случай. В последние годы царствования Александра Павловича, то есть во время наибольшего могущества Аракчеева, "случилось однажды, что после долгого подавления в себе досады я однажды не выдержал, просил его уволить меня по расстроенному здоровью и, выходя из кабинета, захлопнул дверь с такою силою, что оконные рамы задрожали. Вернувшись домой и придя в себя, я стал ожидать фельдъегеря и отправления в Шлиссельбург; фельдъегерь действительно явился, но для приглашения меня на другой день к обеду, за которым граф посадил меня подле себя и обращался со мною, как с почетнейшим гостем"⁷⁵.

Припомнил ли Аракчеев о случае с Леном (Лен и Бадке были колонновожатые) или побоялся доводить до крайности решительного офицера, но несомненно, что он обнаружил большое самообладание; избалованный властью и общим поклонением, он отнесся очень умно к вспыльчивости Бадке.

Наверное, не один Бадке давал отпор Аракчееву, и нам неизвестно ни одного случая, доказывающего вспыльчивость Аракчеева; он всегда владел собою. Даже после убийства Минкиной, когда он, по-видимому, находился в сильнейшем аффекте, он владел собою настолько, что не расправился с убийцами сам, а весьма ловко подстроил дело так, что его враги были подвергнуты мучительной казни "по закону". Аракчеев вышел сухим из воды, а новгородский губернатор, действовавший под влиянием графа, потерял место.

Я не буду говорить о том, что ввиду редкого самообладания Аракчеева злодеяния, им совершенные, даже не могут быть извиняемы, хотя бы отчасти, аффектами; хладнокровный злодей гораздо преступнее человека, совершающего безнравственные поступки лишь в состоянии аффекта.

Необходимо обратить внимание на то, что Аракчеев мог совершить так много зла лишь потому, что он всегда действовал хладнокровно, обдуманно, всегда владел собою. В этом и состояла демоническая сила Аракчеева. К счастью человечества, очень злые люди легко впадают в аффекты и потому непременно совершают такие нелепые поступки, что самое высокое положение не спасает их от ответственности. Владующий собою злодей — истинное наказание для современников, и потому Аракчеева называли "вреднейшим человеком", а Пушкин определил его как "гения зла" царствования Александра Павловича⁷⁶. "Гений зла", по удачному определению Пушкина, почти тридцать лет творил зло, но ни разу не совершил чего-либо такого, что дало бы его врагам возможность лишиться его власти. Если бы хоть раз Аракчеев совершил то, что государь считал преступлением, враги Аракчеева довели бы об этом преступлении до сведения государя. Можно лишь удивляться выдержанности, власти над собою Аракчеева.

В этом отношении он резко отличался от "преступного человека" или преступника по натуре. Хотя Аракчеев сделал больше зла, чем самый крупный преступник, однако он не был преступником; он не был наделен организацией преступного человека. Трудолюбие, самообладание и предусмотрительность не свойственны преступному человеку, а потому Аракчеев никогда не был под судом. Изучение

характера Аракчеева еще раз подтверждает верность основных принципов итальянской школы. Преступный человек и безнравственный человек имеют много общего, но вместе с тем они существенно отличаются друг от друга, почему преступный человек обыкновенно гибнет, а безнравственные люди нередко добиваются высокого положения в обществе.

Аракчеев был жалкий трус. Он никогда не желал попасть в действующую армию. В 1805 г, император взял с собою в поход Аракчеева, нужно думать, в качестве телохранителя. Хотя государь, обладавший проницательностью, хорошо знал Аракчеева, все-таки он не допускал, что Аракчеев совершенно лишен мужества. "Государь намеревался поручить ему в предстоящем сражении начальство над одною из колонн, но граф Алексей Андреевич пришел от предложенной ему чести предводительствовать войсками в бою в неописанное волнение и отклонил от себя столь лестное поручение, ссылаясь на несчастную раздражительность своих нервов. Вероятно, граф высказал свои опасения с достаточною убедительностью, потому что с тех пор государь отказался от мечты увенчать своего любимца военными лаврами и сделать из него героя... Хотя некоторые писатели и называют графа Аракчеева в числе лиц, сопровождавших Александра на Аустерлицком поле сражения, но это, по всей вероятности, недоразумение; если же он и находился около императора, то лишь до начала самого дела, которое разыгралось внезапно, противно предусмотрению составителя диспозиции.

Затем о графе Аракчеве ничего не было уже слышно, и имя его уже не встречается ни в донесениях, ни в записках очевидцев Аустерлицкого боя. В позднейших войнах граф Аракчеев никогда не отважился, даже в императорской свите, показаться в сражении в черте выстрелов. Эта особенность служебного поприща графа Аракчеева блистательно подтвердилась во время походов 1813 и 1814 годов"⁷⁷.

Свою крайнюю трусость Аракчеев резко проявил во время холеры 1831 г. "Фотий сообщил графу, что 13 июля открылась в Юрьеве холера. Он испугался и думал только о том, что-то будет дальше".

"Аракчеев уже заблаговременно запасся рецептом от холеры, но чтобы как-нибудь не затерять его и иметь всегда под рукою, он переписал его в нескольких экземплярах..."

"Внезапный отъезд его случился 20 июля. День этот был особенно тяжелый и знойный до удушья. Аракчеев, встревоженный и холерой, и другими неприятными известиями и какими-то предчувствиями, был особенно задумчив. Вдруг впопыхах вбежал к нему один из соседних помещиков, расстроенный и совершенно потерявшийся, и шепнул что-то на ухо графу. Последний побледнел как полотно и замер на месте, так что даже не заметил, как скрылся его знакомый".

— Лошадей, проворней лошадей! — закричал на весь дом граф, вдруг очнувшись.

"Люди перепугались и сломя голову бросились в конюшню. Через несколько минут у графского крыльца стояла коляска, запряженная четверкой. Аракчеев захватил с собою какую-то шкатулку и вскочил в экипаж; на козлы сел его камердинер Сидорка.

"Пошел живей!" — крикнул барин. Кони понеслись. Едва выехали на Оскую дорогу, как в боковой аллее со стороны деревни Перехода увидели густое облако пыли, поднятое двумя тройками, несшимися тоже на большую дорогу. Аракчеев побледнел опять и вскрикнул: "Пошел". Коляска понеслась с быстротою птицы, так что шапка слетела с головы камердинера на землю. Последний хотел было остановить кучера и произнес только "ваше снят...", как Аракчеев дал ему затрецину и опять закричал: "Пошел"..."⁷⁸ Аракчеев, "сделав огромный объезд, примчал в Новгород и пристал у вице-губернатора Зотова. Тревожное состояние его духа, однако, продолжалось, и он написал о каких-то опасениях насчет своей жизни государю"⁷⁹. Вскоре из Царского Села был получен ответ". Государь писал: "Спешу

вас о том уведомить и уверить, что вы, где моя власть простирается, везде безопасны. Не верю слухам, до вас дошедшим, и уверен, что, когда заблагорассудите возвратиться в Грузино, можете проехать даже через округа военных поселений, где уже восстановлен порядок".

Грузинский помещик возвратился вскоре в свою деревню, но еще долго не мог оправиться от страха в унылом одиночестве... Заметно, что занятый мыслью о холере и опасениями на счет своей будущности, он долго не мог прийти в себя. Даже в письмах знакомых он забывал делать отметки, когда и где получены, что прежде было его неизменным правилом. В первый раз он изменил аккуратности⁸⁰.

Крайне тщеславный Аракчеев ничуть не стыдился своей трусости, не скрывал этого порока, даже величался своею трусостью, высказывал презрение к храбрости.

Когда государь приказал ему в 1812 г. ехать в Вильно, Аракчеев был огорчен и так писал своему брату: "...и я уверен, что неприятели мои употребят меня в первом возможном случае там, где иметь я буду верный способ потерять жизнь, к чему я и должен быть готов: вот вам мое положение в ясности". Мысль о возможной опасности настолько угнетала этого труса, что он так закончил это письмо: "...остаюсь невеселой твой брат и верный друг"⁸¹. Едва ли нужно говорить, что пребывание в свите государя было совершенно безопасно и Аракчееву, ввиду его близости к государю, не было основания бояться, что его пошлют в бой; но у страха глаза велики.

Аракчеев с грубым цинизмом хвастал своею трусостью и с презрением относился к храбрецам, жертвовавшим за родину жизнь и здоровье. Маевский в своих воспоминаниях вполне верно говорит: "Граф был самолюбив, и ему казалось, что природа подарила совершенство одному ему; прочих он считал ниже ск... В одно время расспрашивал он у меня об армейских генералах. Я описывал их достоинства; а когда коснулось В. и я сказал "очень храбр", "что ваша храбрость, — подхватил граф, — вот напиши это, показывая на свои проекты, тогда будешь храбр"⁸². Таким образом Аракчеев высказывался неоднократно.

Аракчеев был не только жалким трусом, но не понимал и не ценил храбрости; для него величие души было вообще непонятно. Для Аракчеева и ему подобных мелких душ храбрость — совершенно непонятная добродетель, а потому они даже не стыдятся своей трусости. Всегда и всюду трусов презирали, и трусость считалась величайшим пороком, потому что трусы не только вредны для общества, но трусость является самым ярким и несомненным проявлением ничтожества и грубого эгоизма; только вырождающиеся народы снисходительно относились к трусости и потому гибли. Понятно, что человек, ничего и никого не любящий, кроме себя и физических благ, не может быть храбрым, ему нечего защищать, он не может рисковать тем единственным, что для него дорого — своею жизнью, своим здоровьем, своим имуществом. В самом деле, разве Аракчеев мог быть храбрым — ведь он ничего не любил, для него не было ничего священного; отечество, честь, слава — все это для него не имело решительно ни малейшей цены; конечно, он знал, что гибель государя могла ему причинить много неприятностей, но он отлично соображал, что, если государь будет убит, Грузино, чины и т. д. все же останутся, жертвуя же собою, защищая государя, можно потерять здоровье и даже жизнь; а в таком случае целостность государя потеряет для него всякую ценность. Поэтому Аракчеев не решался сопровождать государя там, где это было опасно, и государь не мог убедить Аракчеева принять участие в Аустерлицком сражении. Чтобы оценить, насколько ниже в этом отношении своих современников был Аракчеев, нужно припомнить, что именно в эту эпоху храбрость единогласно признавалась высшей добродетелью, что самые знатные и самые богатые люди того времени рвались в бой, что величайшим оскорблением считалось отозвание из действующей армии. По всей вероятности, и между современниками Аракчеева были трусливые люди, но они скрывали этот

недостаток и употребляли все усилия, чтобы побороть врожденную трусость, скрывали этот порок и кричали про свою храбрость.

Ницше с гениальной пронизательностью указал на значение храбрости в характере людей, стремящихся повелевать. Властолюбие и храбрость нераздельны и неразлучны. Все великие вожди человечества были наделены удивительной храбростью: Сократ, Александр Македонский, Ян Гус, Аввакум, Наполеон. Байрон не боялся смерти, не убегали от опасности; деятели Французской революции, даже второстепенные, вызывают наше удивление своим мужеством. Как ни различны идеалы, в борьбе за которые рисковали своею жизнью Сократ, Гус и Наполеон, но эти идеалы были им так дороги, что сама жизнь по сравнению с ними не имела для них большой ценности. Лютеру в Вормсе и Наполеону на Аркольском мосту смерть не была страшна, потому что они защищали то, что для них было дороже жизни. Понятно, что Аракчеев не имел ни малейшего основания рисковать собою под Аустерлицем, и потому он не имел ни малейшего права претендовать на власть над людьми, претендовать на роль вождя. Он исполнял лишь приказание своего начальника: ему приказано было вводить гатчинскую дисциплину, военные поселения, и он устраивал военные поселения; с такой же жестокостью и аккуратностью он управлял бы воспитательным домом, устраивал бы коммунистические фаланстеры, если бы на то получил приказание.

Чтобы повелевать людьми, необходимо обладать храбростью, потому что повелевать людьми может лишь тот, кому идеал дорог настолько, что самое дорогое для человека — жизнь охотно приносится в жертву для достижения идеала. Аракчеев был трус, даже не скрывавший этого порока, и потому он не был достоин власти, не был способен властвовать; он мог лишь оскорблять, бить, истязать и убивать тех, над кем ему было поручено властвовать. Других способов осуществлять свою власть он иметь не мог; ему оставалось на выбор — или отказаться от роли властителя, или истязать нравственно и физически подчиненных. Ему никогда не приходило в голову, что он не способен к власти, хотя он и знал, что императрица Екатерина II обладала громадной властью, не прибегая к крутым мерам, а его благодетель император Павел, несмотря на крайнюю жестокость, потерял власть и морально, и физически. Аракчеев знал, каким мужеством обладала Великая Екатерина, мог знать, что в этом отношении сын не походил на свою мать.

Меня всегда удивляло, когда я читал и слышал о властолюбии Аракчеева и аракчеевцев; тщеславие, погоню за почетом и деньгами нельзя смешивать с властолюбием. Правда, аракчеевы всегда ценят возможность делать людям зло, наказывать их по своему произволу, но и эта власть ничуть не похожа на настоящую власть. Аракчеевы никогда не стремятся делать людям добро, а следовательно, они не понимают, что такое настоящая власть; никогда они не могут обладать настоящей властью, потому что они трусы. К счастью для человечества, аракчеевы не могут, вследствие своей трусости, обладать настоящей властью; Аракчеева презирали современники, и он, наконец, сделался ненужным.

Особенно ярко проявилась позорная трусость Аракчеева 14 декабря 1825 г.; во время усмирения бунта в Зимнем дворце оставались только два генерала — Аракчеев и князь Лобанов-Ростовский⁸³; последнему было 67 лет, кроме того, он был министром юстиции, и потому его присутствие во дворце никого не удивило. Но трусость Аракчеева всем бросалась в глаза; легко понять, как отнесся молодой государь к этому поступку графа; конечно, нашлись люди, обратившие внимание государя на трусость генерала от артиллерии. Зная характер Николая Павловича, едва ли можно оспаривать, что этот поступок Аракчеева играл выдающуюся роль в его падении.

Аракчеев, как настоящий "раб", не только не обладал физической храбростью, но у него не было нравственного мужества; жалкий трус всегда лжец, и Аракчеев еще

раз подтвердил справедливость этого правила. Окончательное падение этого временщика прямо-таки поучительно, так как с очевидностью доказывает, что трус не может обладать властью, что, если она случайно ему досталась, он не в силах ее удержать, что трусость неизбежно ведет к подлости.

По кончине Александра Павловича тщеславный Аракчеев, чтобы поднять свое значение, решил напечатать письма и рескрипты к нему покойного государя; ослепленный своею главной страстью — тщеславием, он поручил последние письма государя перевести по-французски, очевидно желая прославить себя и за границей; перевод этот он заказал некоему Сальватори. Аракчеев распорядился напечатать в типографии военных поселений книгу под заглавием "Собственноручные рескрипты покойного государя императора, отца и благодетеля, Александра I к его подданному графу Аракчееву. С 1796 г. до кончины его величества, последовавшей в 1825 г."

Аракчеев обладал узким умом и потому не понимал, что издание этой книги не послужит ему на пользу; он раздавал "друзьям" экземпляры этой книги. 31 января 1827 г. Дибич⁸⁴, по поручению государя, написал письмо Аракчееву, в котором просил сообщить, "из какого источника могли быть почерпнуты сии напечатанные письма и записки и кем выданы в печать. Буде же сие вам известно, то для предупреждения всяких толков в публике его величество полагал бы лучшим средством напечатать вашему сиятельству от себя объявление, что таковые изданные в печать письма и записки выдуманы и не заслуживают внимания".

Аракчеев говел, когда получил письмо Дибича; он тотчас же ответил Дибичу, что по этому делу "сделал донесение" государю и посылает требуемое объявление, в котором категорически заявляет, что "я, граф Аракчеев, никому ничего никогда не только не позволял печатать, но даже не отдавал никому никаких сего рода бумаг, то и объявляю, что все изданные в печати письма и записки должны быть неверные и не заслуживающие вероятия. 13 февраля 1827 г."

В тот же день он написал два письма к государю; в них он выражал удивление и негодование по поводу ужасной против него интриги; он категорически просил государя "приказать розыскать, кто изволил оные письма печатать и кто оные письма для оного употребления выдал". Сам он "ни от кого об оных не слышал, то и не могу придумать и вообразить себе на кого бы я в оном мог иметь подозрение". Во втором письме Аракчеев уверяет государя: "Если вы подумаете, что изданные печатные письма по моему согласию изданы, я оного никогда себе и в уме не воображал, а действительно видно, оное сделано недоброжелателями моими, и должно, кажется, тут скрываться, кроме намерения сделать мне неприятное предположение поселить в ваших мыслях дурное обо мне мнение; но может быть и общее какое-нибудь злонамерение, почему весьма нужно открыть издателей оных книг".

В этом письме Аракчеев жалуется государю на то, что у него много недоброжелателей; причина вражды к нему многих — "моя верная и истинная служба и верная преданность покойному государю". Чтобы убедить государя в своей правдивости, в конце письма он заявляет: "Я теперь говею и готовлюсь приобщаться Святым Тайнам в той деревне, где находятся гробы моих родителей".

Аракчеев подарил экземпляр изданной им книги с собственноручной надписью своему "другу"; достойный друг Аракчеева передал эту книгу государю; Сальватори через Канкрин передал в руки государя порученные ему Аракчеевым переводы.

Государь был поражен трусостью и лживостью верного друга Александра Павловича; сообщая об этом гнусном деле Дибичу, государь закончил записку словами: "Предоставляю вам размышлять об этом". Государь приказал Чернышеву съездить в Грузино и объяснить Аракчееву неприличие его поступка и отобрать от него экземпляры изданной книги. Бенкендорф возмущался "наглой ложью" Аракчеева; по его словам, "Аракчеев все отдал, он был настолько же труслив,

настолько же подл, насколько прежде был высокомерен"⁸⁵.

Вся эта история настолько характерна, что ее можно считать самым ярким проявлением безграничной трусости и самой бесстыдной лживости. Чтобы оценить по достоинству трусость и лживость Аракчеева, нужно припомнить, что Аракчееву не угрожала ни малейшая опасность, если бы он откровенно заявил, что книга издана им. Государь благоговейно относился к памяти Александра Павловича и потому никогда не решился бы на крутые меры по отношению к другу своего покойного брата. Если бы Аракчеев не отдал сам экземпляры книги, государь не решился бы прибегнуть к силе; также, наверное, государь не пожелал бы уволить Аракчеева от службы, если бы граф не возвратил экземпляры книги. Впрочем, Аракчеев и так лишь числился на службе, следовательно, ему не страшно было увольнение, а это бесспорно самое строгое наказание, которого он мог бы опасаться. Не говорю уже о том, что трусость и лживость ему повредили более, чем могли повредить стойкость и правдивость.

Аракчеев закончил свою государственную деятельность крайне позорно: трус и лжец и не мог окончить ее иначе.

Он не мог после этого грязного дела, по выражению Бенкендорфа, продолжать службу; его падение было не простою случайностью: дальнейшая его деятельность сделалась нравственно невозможной⁸⁶.

Эта позорная история с письмами "благодетеля" крайне поучительна и потому, что показывает, как трус и лгун при самых исключительно благоприятных условиях не может удержаться на высоте, куда занесла его судьба. Если бы Аракчеев не был трусом и лгуном, он оставил бы службу с достоинством, как человек, не одобряющий новый режим, занял бы положение сановника, удалившегося от дел по собственному желанию; но "раб", пред которым трепетали почти все в течение многих лет, все же остался рабом, струсил и солгал, когда с ним заговорил его господин.

К счастью человечества, аракчеевы составляют ничтожное меньшинство, но обидно то, что такое ничтожество, как Аракчеев, мог долго терроризовать всю Россию, что между его современниками не было энергичных и честных сановников, а потому он мог причинить так много зла. Перед Аракчеевым и его любовницей пресмыкались богатые и заслуженные сановники — вот в чем сказалась страшная безнравственность того времени. Там, где много "рабов", даже такой трус и лжец, как Аракчеев, может долго разыгрывать роль повелителя; в обществе, не потерявшем стыда, аракчеевы играют подобающую им роль.

VI

Наша подлинная натура более всего проявляется в том, как мы любим; действительно, вся сущность нашей личности проявляется в том, кого и как мы любим. Для уяснения характера Аракчеева необходимо подробно остановиться на этой стороне его жизни; биография Аракчеева для психолога интересна именно потому, что любовь Аракчеева к Минкиной еще раз блистательно подтвердила мнение поэтов о значении любви как самого полного проявления личности.

Аракчеев был сластолюбив; не только в молодости, но и в том возрасте, когда почти все более всего дорожат семейным очагом, он давал полную волю своему сластолюбию; он довольствовался продажными женщинами и крепостными наложницами.

Только три женщины играли некоторую роль в его жизни; со всеми остальными дальше чисто плотских удовольствий дело не шло.

Первая женщина, с которой Аракчеев имел продолжительную связь, была известная в свое время В. П. Пукалова, сделавшая своему мужу блестящую

карьеру⁸⁷. Пукалова была красивая и ловкая помпадурша, извлекавшая большие выгоды из связи с Аракчеевым. Необходимо отметить, что Аракчеев очень рано понял, что выгоднее всего иметь содержанку на казенный счет. Ему не было тридцати лет, когда он сошелся с Пукаловой, которая открыто торговала своим влиянием на временщика. Аракчеев был умен и потому отлично знал, что Пукалова берет взятки, но он не желал тратиться на содержанку. Этот эпизод из жизни Аракчеева явно свидетельствует, что Аракчеев не имел права хвастаться своею честностью. Едва ли нужно говорить, что о любви Аракчеева к Пукаловой не может быть и речи; ему была нужна содержанка, и он, найдя таковую без расходов, поддерживал связь, ничуть не беспокоясь о том, сколько зла причиняла Пукалова своим грабительством; он боялся лишь того, что государь узнает о подвигах его содержанки. А. М. Тургенев рассказывает весьма характерный анекдот об Аракчееве и Пукаловой⁸⁸.

Единственная порядочная женщина, с которой судьба свела Аракчеева, это была его жена; он женился 4 февраля 1806 г. на Наталье Федоровне Хомутовой; посаженным отцом был государь. Наталья Федоровна не могла ужиться со своим мужем; конечно, не разность в годах супругов была причиной их разлада; Аракчееву было тогда 37 лет, он обладал хорошим здоровьем и потому мнение некоторых знакомых Аракчеева, что главной причиной была разница лет, неосновательно. Также неосновательно было мнение, что молодая графиня не могла примириться с изменами мужа.

Наталья Федоровна была небогата, а Аракчеев очень богат, занимал одно из высших мест в государстве; понятно, что, если была бы хотя малейшая *нравственная* возможность ужиться с мужем, Наталья Федоровна не ушла бы от него. Несчастливая молодая женщина *не могла* переносить грубого деспотизма своего богатого и важного мужа и предпочла бедность и уединение.

Нам не известны подробности семейных неприятностей Аракчеева, но факт налицо; Аракчеева не была продажной женщиной и потому оставила мужа очень скоро.

Я знал дочь воспитанницы Натальи Федоровны; по семейным воспоминаниям можно судить, что Наталья Федоровна была скромная, кроткая женщина, мужественно переносившая свою долю. Она не добивалась получать пособие от своего мужа, хотя имела право на помощь, жила уединенно и небогато; воспитанницу свою выдала за чиновника средней руки, наградив ее небольшим приданым. Аракчеев ничуть не сожалел о том, что его супружеская жизнь сложилась так неудачно, и совершенно позабыл о своей жене. Известно, что он не был огорчен, когда жена его покинула, и не употреблял усилий, чтобы с ней примириться, поэтому несомненно, что он не любил свою жену, не был к ней привязан⁸⁹.

Связь Аракчеева с Настасьей Минкиной продолжалась, если верить Аракчееву, двадцать пять лет; следовательно, он нашел свою подругу во время своего второго удаления от двора, то есть в то время, когда жил в Грузии с 1799 по 1803 г. Тогда уже вполне сложился характер Аракчеева, определились его взгляды и вкусы.

Свое происхождение Минкина скрывала так упорно, что нам оно неизвестно; одни ее считали женой крепостного кучера и рассказывали, что она нещадно наказывала своего мужа; по словам других, она была цыганского происхождения; А. М. Тургенев⁹⁰ ее считал лютеранкой. Несомненно, что она была податного сословия, безграмотна и умна; судя по портрету, она была очень красива; многие ее считали красавицей, но есть сведения, что она не отличалась красотой, по крайней мере, так отзывались о ней грузинские крестьяне, не понимавшие, как некрасивая крестьянка могла овладеть могущественным временщиком.

"Ко всякому горшку найдется крышка"; Аракчеев, наконец, нашел достойную себе подругу, и Минкина, до известной степени, историческая личность; Отто⁹¹ и

Философов⁹² дали подробное описание этой женщины, удостоившейся чести быть представленной императору Александру Павловичу.

Минкина была очень умна и скоро поняла характер Аракчеева; для того чтобы удовлетворить желанию Аракчеева иметь письменные рапорты о состоянии грузинского хозяйства, Минкина научилась писать и аккуратно по табелям, составленным Аракчеевым, писала рапорты о хозяйстве и вела с графом оживленную переписку. Канцелярская деловитость Минкиной вполне удовлетворяла Аракчеева, а ему было трудно угодить.

Минкина была прекрасная экономка и так хорошо вела хозяйство, что после ее смерти Аракчеев не мог найти экономку, способную заменить Минкину. Все посещавшие Грузино во время хозяйничания там Минкиной восторгались ее умением вести дело.

Гибкий ум Минкиной доказывается ее письмами к Аракчееву⁹³; и по содержанию, и по стилю они положительно замечательны; только женщина, обладавшая гибким умом, вполне понимавшая Аракчеева, могла сочинять такие письма. Философов⁹⁴ делает предположение: "Не сочинял ли эти письма кто-либо из настоящих сердечных избранников Настасьи, которые, как готовые, та уже переводила на свои каракули, так глубоко трогавшие и приводившие в восхищение Аракчеева". Все письма бесспорно сочинены одним лицом, следовательно, поклонник Минкиной долго пользовался ее доверенностью; едва ли, однако, продолжительная связь с одним лицом осталась бы никому не известной, а грузинские предания не называют такого поклонника. Наконец, если Минкина сумела найти себе такого хорошего секретаря, то это свидетельствует и о ее уме, и о вкусе. Однако чтение этих писем убеждает меня, что их сочинила женщина; но, конечно, это личное впечатление.

Во время болезни матери Аракчеева летом 1820 г. Минкина писала к графу: "Любезный мой отец граф! Что могу сказать вам после вашего дружеского письма? Грусть мучает мою душу, не могу придумать, где вы теперь, мой благодетель. Если вашей матушке нет лучше и вы у ней, то позвольте мне быть с вами. Я знаю ваше чувствительное сердце, сколь вы мучите себя, ~— я буду делить с вами горесть. А если вы останетесь одни там, то верьте, что и я не менее буду чувствовать мучения, не в силах выдержать послушания. К вам приеду в тележке — чем представлять каждую минуту вас с растерзанным сердцем. Я уверена в Карле Крестьяновиче, но все не я с вами! Отец, умоляю у ног ваших — успокойте себя и своего преданного слугу. Вот три дня, как я не найду места, воображая вас плачевным; верю, что дорога родительница, но что делать! Бог — един и воля Его — Он может подать облегчение, молитесь Ему, и мы принесем теперь к нему молитву. Целую ваши ручки и ножки, прошу, поберегите себя, моя душа".

В том же году она писала Аракчееву: "Если вас мне не беречь и не любить, то я недостойна и по земле ходить. Вы мой отец, все мне сделали; вы любите моего Мишу. Неужели я могу все это забыть? Всегда прошу Бога о сохранении вашего здоровья и продолжении жизни вашей на многие годы, чтобы нам, сиротам, видеть отца и благодетеля нашего веселого между своих подданных".

Минкина так же снисходительно относилась к похождениям пожилого Аракчеева, как маркиза Помпадур к разврату Людовика XV: "Рада умереть у ног ваших, ожидаю ваших милых писем; они утешают меня. Прошу Бога, чтобы Он спас жизнь вашу, дал здоровья... целую ваши ручки, милый, и ножки... Скука несносная! Ах, друг мой, нет вас — нет для меня веселья и утешения, окромя слез. Дай Бог, чтобы ваша любовь была такова, как я чувствую к вам. Один Бог видит ее: вам не надобно сомневаться в своей Насте, которая каждую минуту посвящает вам. Скажу, друг мой добрый, что часто в вас сомневалась, но все прощаю... Что делать, что молоденькие берут верх над дружбой; но ваш слуга Н. всегда будет, до конца жизни, одинаков. Желаю, чтобы сын наш общий был примером благодарности. Я ему всегда говорю: "Бог нам

дал отца и благодетеля в вас", душа, единственная моему сердцу... Я люблю вас более своей жизни, то верьте, что всякий стон ваш болезненный доходит до моего сердца; а вы, моя душа, говорите такие слова, что не можно удержать своих слез. Я служила вам всегда истинно, надеясь на Бога, да не оставит Он моего отца, для нас сирот... Может, еще вы закроете мои глаза".

В письмах Минкиной подробно и толково описывается хозяйство, но среди деловых сообщений наминается и о горячей любви к Аракчеву: "У меня полный сад цветов... Я воображаю, мой отец, что вы выходите из спальни и целуете за сюрприз Настю".

Со своими просьбами Минкина обращалась к Аракчеву весьма скромно: "Когда вы будете в Москве, то купите мне на капот черного бархата 14 аршин, хорошего, за что буду заслуживать ваши ко мне милости. Также, когда будете в Варшаве, то башмаки прошу по образцу. Прости, друг и отец мой! Еще если будете в Одессе, прошу купить турецкий черный платок, хороший. Прости смелости моей, если беспокою отца моего. Умоляю у ног ваших, не сердись на свою Н."

Большой ум Минкиной доказывается тем, что она в течение двадцати пяти лет обманывала умного и подозрительного графа, для чего, конечно, было нужно окружить себя людьми, умеющими молчать; не меньше ума нужно было для того, чтобы так долго держать в полном повиновении всех крепостных, глубоко ненавидевших ее за жестокость.

Наконец, недюженный ум Минкиной виден из того, что она сумела притвориться беременной, найти ребенка, которого она выдала за своего. Шумский был сыном бедной крестьянки, уступившей своего новорожденного Минкиной; мать Шумского похоронила пустой гроб и рассказала потом всем, что она родила мертвого ребенка. Ее тогда же взяли в кормилицы к Шумскому. Понятно, как много нужно ума, знания людей, умения держать их в руках, чтобы удался такой обман, а Минкиной он удался вполне, и Аракчев никогда не узнал тайны. Также нужно было много ловкости, чтобы привязать бессердечного Аракчева к ребенку, и это вполне удалось Минкиной. Аракчев дал Шумскому блестящее воспитание, купил ему дворянское достоинство, выхлопотал звание флигель-адъютанта, и не его вина, что Шумский окончил свою жизнь крайне печально. Еще один пример, указывающий бессилие воспитания: Шумский был достойный сын матери, его уступившей Минкиной.

Само собою разумеется, что Минкина не могла любить Аракчева; таких людей, как Аракчев, любить нельзя. Она продавала себя и старалась извлечь побольше выгод, за что, конечно, ее нельзя строго судить, принимая во внимание ее положение крепостной. Можно лишь удивляться силе ее характера, ее выдержке: двадцать пять лет угождать грубому деспоту может далеко не всякая. Минкина уверила Аракчева, что только она может уберечь его от мести озлобленных на него подчиненных, наблюдала за приготовлением ему пищи и напитков, которыми и снабжала Аракчева в его разъездах по военным поселениям. Минкина с успехом несла при Аракчеве обязанности шпиона и телохранителя; он, как трус, высоко ценил эту деятельность Минкиной.

Нужно принять во внимание, что Аракчев был очень некрасив, истаскан, постоянно ругался и дрался; очевидно, что Минкиной жилось очень тяжело; она всегда должна была быть начеку, чтобы не выдать себя, чтобы угодить своему "благодетелю".

Минкина старалась обеспечить себя, по-видимому, была очень довольна своим положением "домоправительницы" Аракчева, любила почет; с ней были любезны вельможи, она была представлена государю, посещавшему неоднократно Грузино. Но все это не могло наполнить жизнь; Минкина обладала деятельным, живым характером, не могла ограничиться ролью, отведенной ей "благодетелем". По словам Отто, "часто во флигеле Настасьи, в отсутствие графа, происходили

безобразные сцены и шампанское лилось и выпивалось там ковшами. Со скуки или радости, фаворитка кутила, запасаясь самым дорогим вином. Похищать его из барского погреба было, однако, опасно, потому что там каждая бутылка на отчете; но Настасья находила другие средства и вымогала их из нечистых источников. Она знала за грузинским головою или подозревала разные грехи и, пользуясь этим, брала с него значительные контрибуции".

Минкина была достойной подругой Аракчеева, имела право на его привязанность, потому что в жестокости не уступала ему, а даже превосходила этого изверга. Она, так же как и он, ненавидела людей и всегда делала им зло. Даже в тех редких случаях, когда оказывала одолжение, она оскорбляла и язвила. "Выйдет она, бывало, на крыльцо из молотника (молочного домика), вынесет горшок прокисших сливок и крикнет мальчикам: "Ей вы, пострелята, жрите, лакайте". А не то зачастую скажет на весь двор крепкое слово, "помяная родителей наших". Дворовых девушек, а также и мужчин, по распоряжению Минкиной, по два раза в день наказывали розгами (розги мокли в кадке с рассолом) и батогами, сажали в домашнюю тюрьму — темное, сырое, холодное и тесное помещение. Нередко после собственного наложенного ею наказания она еще приносила жалобу Аракчееву; он никогда не прощал самых малейших неприятностей, о каких заявляла ему Минкина, и наказывал за них с удвоенной строгостью.

Жестокость Минкиной доводила несчастных до самоубийства; нам известны имена двух ее жертв: "полицмейстер" Синицын утопился; дворецкий Стримиллов зарезался; с уверенностью можно утверждать, что были и другие жертвы ее жестокости.

Понятно, что больше всего доставалось горничным Минкиной — особенно красивым. В 1821 г. прислуга Минкиной покушалась отравить ее мышьяком в кушанье; Минкина почувствовала тошноту и прохворала несколько дней; были и еще такие же покушения, оставшиеся без успеха. Минкина, подозревая, что ее хотят отравить, сделалась весьма осторожна в принятии пищи. Наконец, 10 сентября 1825 г. Минкина была зарезана 20-летним поваром Василием Антоновым, мстившим за свою сестру — Прасковью — 21 года. Эту несчастную Минкина истязала с остервенением.

Аракчеев по-своему любил Минкину. Он еще в 1806 г., то есть в год своей свадьбы, поставил в Грузине на особой поляне, недалеко от барского дома, чугунную вазу в знак верной службы Минкиной⁹⁵. Едва ли Аракчеев, вступая в брак, решил расстаться с Минкиной — во всяком случае, такое афиширование связи с Минкиной должно было оскорблять молодую графиню, но Аракчеев не щадил самолюбия своей жены. Он построил для Минкиной особый флигель с зеркальными окнами, очень изящный и выделявшийся от остальных построек; в 1819 г. положил в банк на имя Минкиной 24 тысячи, причем она была записана в купчихи. При скупости Аракчеева 24 тысячи была громадная сумма, доказывающая, как дорога Минкина была графу. Он даже ценил ее память настолько, что племяннице Минкиной Татьяне дал воспитание, поместив ее в монастырь, и положил в банк на ее имя 6 тысяч. Аракчеев предоставил Минкиной особое положение; генералы, нисколько не стыдясь, целовали ей руки, льстили ей и, конечно, делали ей подарки. Сам государь удостоивал ее вниманием и из любви к графу заходил в ее комнаты и пивал у нее чай⁹⁶.

Аракчеев ценил в Минкиной красивую женщину, распорядительную экономку, точную исполнительницу его приказаний, телохранителя и шпиона, мать его сына. Особенно ценна для Аракчеева была привязанность к нему Минкиной, всегда уверявшей его, что она понимает свое подчиненное положение, всегда делавшей вид, что она смотрит на своего благодетеля снизу вверх. Минкина всегда и все делала Аракчееву только приятное, и эта связь его ничуть не тяготила, потому что

Настасья ничего не требовала, ничего не просила такого, что могло бы быть неприятно Аракчееву. Наконец, по своему душевному складу Минкина была достойной подругой Аракчеева; она в злобности, в человеконенавистничестве не уступала своему благодетелю; обладала таким же практическим умом, как и сам Аракчеев; такой же выдержанностью, как и он; оба они были лживы и подлы, оба тщеславны и жадны. Одним словом, Минкина имела полное право на любовь Аракчеева; она была ему не только полезна, но и необходима.

Аракчеев был огорчен и еще более рассержен убийством Минкиной⁹⁷. Во время убийства Минкиной он был в ближайшем округе военных поселений. Из Грузина прискакал верховой, и графу доложили, что Настасья тяжело больна. Аракчеев бросил дела и поехал в Грузино; не доезжая до дома, он узнал истину; узнав об убийстве, Аракчеев, обезумев от злобы, выскочил из коляски, с воплем бросился на траву, рвал на себе волосы, бился в судорогах и кричал: "Убили, убили ее, так убейте же и меня, зарежьте поскорее!" Вид его был ужасен, пена клубилась у рта. В таком же аффекте Аракчеев рыдал над трупом "верного друга".

Но аффект продолжался недолго, и Аракчеев сейчас же выработал план мести убийцам Минкиной. Правосудие, несмотря на жестокость того времени, не могло удовлетворить этого изверга, и он хотел получить особые полномочия, чего и добился. Он имел наглость написать государю, проживавшему в Таганроге с тяжело больной императрицей, что он так поражен убийством "верного друга", что не может заниматься государственными делами; "делами никакими не имею сил и соображений заниматься. Прощай, батюшка, вспомни бывшего тебе слугу". Вместе с тем Аракчеев сдал все дела. Курьеры скакали сломя голову, и уже 1 октября Аракчеев получил письмо государя от 22 сентября. Император утешал своего друга: "Я Бога усердно прошу, чтобы Он подкрепил твои силы и здоровье и вселил бы в тебя необходимую твердость с повинованием Его святой воле..." Письмо заканчивалось так: "Прощай, любезный Алексей Андреевич, не покидай друга и верного тебе друга". Это историческое письмо, однако, не успокоило Аракчеева; в день его получения Аракчеев писал государю: "Биение сердца, ежедневная лихорадка и три недели не имею ни одной ночи покою и единая тоска, уныние и отчаяние, все оное привело меня в такую слабость, что я потерял совсем память". Государь, желая поддержать своего друга, просил письмом архимандрита Фотия утешить Аракчеева: "Я уверен, что вы с молитвою Всевышнего много поможете подействовать на душевные его силы. Подкрепляя их, вы окажете важную услугу государству и мне; ибо *служение графа Аракчеева драгоценно для отечества*"⁹⁸.

Но Аракчеев не нуждался в поддержке Фотия и *выздоровел* 14 октября по приезде из Таганрога Клейнмихеля, который привез с собою повеление государя следить за следствием; письмо к Фотию и повеление Клейнмихелю были написаны в первых числах октября. Повеление Клейнмихелю могло быть истолковано как особые полномочия, и 14 октября Аракчеев писал новгородскому губернатору Жеребцову: "По прибытии же начальника штаба Клейнмихеля, нарочно ко мне государем императором отправленного, узнал я от него лично, что неизменная воля всемилостивейшего государя императора есть, дабы сие было исследовано со всюю строгостью, что самое начальник штаба Клейнмихель в проезд свой вам лично объявил".

Таким образом, Аракчеев добился того, чего хотел; следствие перешло в его руки, так как Клейнмихель, которому свыше было поручено наблюдение над следствием, был вполне преданный исполнитель воли Аракчеева. Новгородские власти вполне согласились с таким толкованием поручения, данного Клейнмихелю, и охотно исполняли приказания Аракчеева. Можно себе представить, что творили эти жалкие и подлые люди, если сам Аракчеев был доволен ходом дела; по поводу следствия он в ноябре говорил генералу Маевскому: "Вот как непостоянно человеческое

счастье; давно ли я считал себя счастливейшим? А не знал того, что меня окружают 40 разбойников с готовыми против меня кинжалами. Теперь они все идут под кнут". Аракчеев добился жесточайшего наказания всем замешанным в это дело; он не только мстил за убийство "верного друга", но и хотел примерным наказанием запугать своих крепостных и тем предохранить себя от мести озлобленных крестьян.

Чтение статьи Пупарева прямо-таки мучительно; сострадание к несчастным жертвам Аракчеева, жгучий стыд за исполнителей его воли надолго лишают покоя по прочтении этой статьи. Кто хочет узнать, до чего люди могут быть злы и подлы, должен познакомиться с этим делом.

Василий и Прасковья Антоновы умерли на самом месте наказания, то есть были подвергнуты мучительной казни; через несколько времени после мучения умерла Фомина; остальные подсудимые были наказаны кнутом и ссылкой. Необходимо упомянуть, что следствие велось так пристрастно и незаконно, что новгородский губернатор Жеребцов был приговорен Сенатом к ссылке в Сибирь; сенатор Мансуров, не согласившийся с приговором, все же находил Жеребцова настолько виноватым, что полагал справедливым Жеребцова, "как от службы уже уволенного, впредь ни к каким должностям не определять и повсеместно публиковать".

Едва ли нужно говорить, что Жеребцов в Сибирь сослан не был.

Аракчеев распорядился похоронить тело Настасьи в грузинском соборе, рядом со своею заранее приготовленною могилою. Когда гроб опустили в склеп, Аракчеев кинулся вслед за гробом и кричал на всю церковь: "Режьте меня, лишайте меня, злодеи, жизни, вы отняли у меня единственного друга, я теперь потерял все".

Аракчеев дал блестящее воспитание Шумскому, выхлопотал ему звание флигель-адъютанта, но не сумел его привязать к себе, внушить доверие и любовь. Когда Шумский был исключен из службы, Аракчеев совершенно отказался от него, но выдавал ему пособие; после смерти Аракчеева Шумский остался без всяких средств. Государь назначил ему из сумм кабинета пенсию в 1200 руб., то есть в размере пособия, выдававшегося ему Аракчеевым⁹⁹. Шумский погиб от пьянства.

Аракчеев не был наделен семейными чувствованиями; он не любил своих родственников. Отец Аракчеева, прощаясь с сыном, посетившим родителей в 1794 г., выразился так: "Алексей как волк: как ни корми, а все в лес смотрит".

Бабушка Аракчеева по матери подарила его младшему брату Петру 100 душ. Отто говорит, что "старшего внука она, однако, не любила"; так как Петр был на семь лет моложе своего знаменитого брата, то нужно думать, что и в юности Аракчеев был настолько несимпатичен, что родная бабушка не пожелала его обеспечить и "всю свою заботливость и попечение сосредоточила на среднем Петре".

Аракчеев почтительно относился к своей матери, но редко ее навещал, не помогал ей материально, ограничивался малоценными подарками, например посылал ей атласное платье, кисейную юбку и т. п. Брат его Петр также не пользовался милостями своего богатого брата; при дележе наследства возникли недоразумения. Аракчеев не любил своего двоюродного брата Николая Васильевича, не принимал его у себя; в 1832 г., узнав о горестном положении Н. В., Аракчеев послал ему 200 руб., но приказал в своей канцелярии "написать Н. В., чтобы не ездил в Грузино".

На прикладных белых листах Евангелия¹⁰⁰ Аракчеев записал: "Декабря 12-го 1815 г. Государь Император Александр I изволил давать графу Аракчееву звание статс-дамы для его матери, но граф оно не принял и упросил оно отменить"¹⁰¹.

Аракчеев с гордостью рассказывал Маевскому об отказе от этой награды¹⁰², Он говорил государю: "Мать моя не рождена для двора, и милость сия, выводя ее из неизвестности, уронила бы нас обоих". Аракчеев отлично знал, что он таким образом лишал свою мать большой радости. "Женщины все честолюбивы. Мать моя не знала до гроба о сей милости. Но ежели бы узнала, она и за гробом не простила бы этого

мне".

Чтобы оценить по достоинству этот поступок Аракчеева, нужно принять во внимание, что в то время его мать была дряхлая старуха (она умерла летом 1820 г.) жила в своем имении, зла не делала, но любила общество и почет. Пожалование старухе провинциалке звания статс-дамы вреда никому не причинило бы, но сделало бы счастливой старуху на последние годы ее жизни. Но Аракчееву было неприятно чье-либо счастье, даже родной матери, копившей деньги для наследников; Аракчеев получил от нее в наследство 10000 руб.

Отказ от пожалования матери высокого отличия был в конце концов выгоден Аракчееву; "Апреля 24-го 1816 г. прибыла в село Грузино пожалованная графу Аракчееву яхта государева "Роченсальм". Едва ли нужно прибавлять, сколько труда было потрачено на доставку этой яхты в Грузино; ломались дома, стоявшие на дороге, и т. п.

Брат графа Петр считал себя обиженным тем, что Аракчеев помешал ему получить ленту¹⁰³; Аракчеев оправдывался тем, что он отклонил пожалование ему самого орденов, но лицемерие его уже чересчур очевидно. Петр Аракчеев едва ли был хуже своих сотоварищей, украшенных лентами. Рассказывают, что в 1799 г. граф Аракчеев был отставлен от службы за то, что скрыл проступок своего брата Петра и выставил виновным другое лицо; но этот рассказ мало вероятен; более правдоподобен рассказ его товарища Федорова¹⁰⁴.

Уже в 1812 г. Аракчеев исходатайствовал утверждение его духовного завещания; он установил неделимость всего своего состояния; в случае, если он сам не назначит наследника, избрание наследника он предоставлял государю. Так как Аракчеев никого на свете не любил, то он и не избрал себе наследника. Известный психиатр Легран дю Соль вполне верно заметил, что некоторые психопаты оставляют свое состояние благотворительным и ученым учреждениям не из человеколюбия, а просто потому, что они не желают сделать приятное своим родственникам. Поэтому и Аракчеев не мог завещать кому-либо из своих родственников Грузино, но он не только никого, но и ничего не любил, поэтому и не мог завещать своего состояния благотворительным, ученым или военным учреждениям. Очевидно, что ему не оставалось другого исхода, как предоставить выбор наследника тому, от кого он получил состояние, или, говоря иначе, предоставить свое состояние в распоряжение государя. До известной степени на такое решение влияло и тщеславие, столь сильное у Аракчеева; он знал, что за такой богатый дар государь прославит его память памятником, и он не ошибся: кадетский корпус, которому перешло состояние графа, был назван Аракчеевским. Едва ли я ошибусь, допуская, что в выборе наследника Аракчеев руководился и тем соображением, что именно государю не доставит получение наследства ни малейшего удовольствия, следовательно, Аракчеев в своем человеконенавистничестве был последователен до конца.

Конечно, Аракчеев отлично знал, что государь не примет наследства для себя лично.

Аракчеев никогда не имел ни одного друга, никого не любил и не был любим своими товарищами и сослуживцами.

В корпусе ему, как исправному кадету, был поручен надзор за товарищами, с которыми он и обращался с необыкновенной для того времени жестокостью; понятно, что ни с одним из своих товарищей по корпусу он не сохранил хороших отношений. Когда, по окончании корпуса, Аракчеев был командиром егерской малолетней роты, он своим жестоким обращением возбуждал протест детей. Котлубицкий рассказывает случай, хорошо рисующий отношение к Аракчееву кадет. Аракчеев часто дергал за пучок шалуна Пащенко; "однажды товарищи его перед танцевальным классом натыкали ему в пучок булавок; выведенный из терпения его

умышленными шалостями, Аракчеев и в этот раз схватил его за пучок и окровавил всю руку. В таком положении он привел его к начальнику корпуса Мелессино, который улыбнулся и велел наказывать Пашенку, но потом запретил офицерам драться". Естественно, что такого наставника не могли любить кадеты, и бывшие воспитанники Аракчеева не сохранили о нем хорошего воспоминания.

Сам Аракчеев уклонялся от дружбы и не искал ее в тот период своей жизни, когда для него были еще возможны человеческие отношения. За время службы в Гатчине у него не было ни одного приятеля, и даже благодушный Котлубицкий не любил Аракчеева. Когда Аракчеев занял исключительное положение и его приятели заискивали почти весь, он так грубо и настойчиво всех от себя отталкивал, что только весьма неразборчивые люди могли с ним ужиться на долгое время.

За первый период его деятельности к нему был близок генерал Бухмейер; ему он поручил раздобыть документ, по всей вероятности поддельный, на дворянское достоинство Шумскому. Конечно, офицер, взявший на себя такое поручение, не был разборчив в средствах; Аракчеев умел выбирать людей; Бухмейер не только добыл документы, но и обделал дело так ловко, что никто не узнал, как сын Минкиной сделался дворянином. Такие услуги, конечно, не делаются даром; неизвестно, заплатил ли из собственного кармана что-либо Аракчеев Бухмейеру, но точно известно, что из государственного казначейства этому усердному слуге Аракчеева было выдано 49 тысяч.

Во второй половине службы Аракчеева самым близким лицом к нему был Клейнмихель; об этом ученике Аракчеева говорить нет надобности. Клейнмихель был карьерист и выносил деспотизм Аракчеева лишь в чаянии грядущих благ; когда временщик пал, Клейнмихель не только удалился от Аракчеева, но и предал его, представив государю напечатанные и собранные в книгу рескрипты и письма к Аракчееву императора Александра Павловича. Аракчеев, избрав себе в наперсники Клейнмихеля, доказал свое знание людей и причинил немало горя России. Падение Клейнмихеля по воцарении Александра II вызвало всеобщий восторг.

Аракчеев весьма настойчиво афишировал свою любовь к императорам Павлу Петровичу и Александру Павловичу; после их смерти он в Грузии им воздвиг великолепные памятники, в Париже заказал дорогие часы, игравшие в час смерти Александра Павловича успокойные звуки; как реликвии, хранил мебель и вещи, которыми пользовался этот государь при своих посещениях Грузии. Все это, конечно, достигало цели и давало право защитникам Аракчеева утверждать, что он был способен глубоко и сильно любить.

Князь Вяземский даже утверждает, что "все изъявления благодарной памяти его к почившим благодетелям Павлу и Александру носят отпечаток не только глубокой преданности, но и чего-то поэтического... если и были в нем стороны очерствелые, то очерствение не вполне охватило его".

Но любовь к "благодетелям" именно такое душевное явление, искренность которого трудно и даже часто невозможно доказать. Кто же не знает, как выгодно проявлять горячую любовь к "благодетелям"; конечно, любовь к "благодетелям" может быть и искренней, но Аракчеев ничем не доказал этой искренности. Как-то плохо верится в любовь к монархам генерала, публично обозвавшего славные знамена "екатерининскими юбками", расстроивавшего Александра Павловича письмами об убийстве Минкиной; нужно припомнить, что Аракчеев знал о тяжелой болезни императрицы, отлично понимал, в какое трудное положение ставил государя своим удалением от дел.

Всех современников поразило, что Аракчеев заболел, когда умерла Минкина, и выздоровел, когда скончался Александр Павлович. Шениг выразился по этому поводу очень энергично: "Смерть девки отняла у Аракчеева способность заниматься государственными делами, а кончина Александра Павловича ему оную возвратила".

Связев рассказывает: "В немногие дни царствования Константина Павловича граф оставался в Новгороде, но когда узнал о вступлении на престол Николая Павловича — выбрил бороду и, забыв свою горечь, тотчас же поскакал в Петербург вместе с Клейнмихелем".

Все это, по меньшей мере, дает право сомневаться в искренности любви Аракчеева к своему благодетелю.

Почитание памяти Павла Петровича оказалось очень полезным Аракчееву. Александру Павловичу, видимо, нравилось, что "без лести преданный" граф поставил памятник покойному императору. Зная, с каким благоговением относился Николай Павлович к Александру Павловичу, Аракчеев мог рассчитывать на благоволение государя за культивирование памяти его брата. Уж очень крикливо выражал свою привязанность к покойному государю Аракчеев, а потому как-то не верится в ее искренность. Во всяком случае, нельзя отрицать, что Аракчеев в этом деле преследовал грубо эгоистические цели уже потому, что раз этот маневр послужил ему на пользу. Конечно, доверчивые люди могут верить в искренность Аракчеева, но для многих она остается под большим сомнением.

Аракчеев назначил 50 000 руб. на премию за лучшую историю Александра Павловича; эта сумма с процентами должна быть выдана лишь в 1925 г. Нельзя решить, чем руководился Аракчеев, делая этот щедрый дар; желал ли он отблагодарить своего "благодетеля" или же был уверен, что потомство прочтет в этой книге о его собственных подвигах. Ведь верил же он Маевскому, уверявшему его, что его можно ставить в параллель лишь с Наполеоном. То обстоятельство, что Аракчеев назначил выдать премию в 1925 г., как бы указывает на то, что он заботился, чтобы в этом труде его великие подвиги были описаны с должным беспристрастием. В последние годы своей жизни он убедился во всеобщей к нему ненависти и потому, думая, что такое отношение к нему несправедливо, не желал, чтобы история царствования Александра Павловича появилась теперь; он мог думать, что через сто лет его подвиги будут оценены справедливо, конечно, с его точки зрения, и его имя не умрет для потомства.

VII

Аракчеев обладал некоторыми качествами или признаками преступного человека: полное отсутствие альтруизма, бессердечность, грубый эгоизм, трусость, страстное тщеславие — все это характеризует преступного человека; но Аракчеев наделен был громадным трудолюбием, а преступный человек отличается непобедимой ленью; поэтому Аракчеева никоим образом нельзя считать преступником по натуре. Хотя он сделал в своей жизни зла гораздо больше, чем самые крупные преступники, он не совершил в жизни ни одного уголовного преступления. Он был крайне безнравственный, но не преступный человек.

Как ни мало разработано учение о преступном человеке, однако оно дает нам достаточно материала, чтобы понять, почему Аракчеев, постоянно нарушавший нравственные законы, *ни разу в жизни не нарушил уголовного закона*: Аракчеев не был преступником по натуре, так как не был наделен основным свойством преступного человека — ленью. Обладая громадным трудолюбием, Аракчеев был в состоянии делать зло совершенно для себя безнаказанно; своим трудолюбием он завоевал себе исключительное положение.

Аракчеев был очень трудолюбив, страшно деятелен и неутомим в работе; по своему трудолюбию он намного превосходил своих сослуживцев; вообще едва ли было много деятелей более трудолюбивых, чем Аракчеев, и в этом отношении он занимает исключительное место в нашей истории. Нужно допустить, что Аракчеев обладал редкой, особенной организацией; он не знал усталости, работал с

удовольствием, тяготился бездеятельностью.

Как и все основные свойства организации, трудолюбие Аракчеева проявилось очень рано; когда он учился в корпусе, на него, как на очень трудолюбивого кадета, обратили внимание учителя и начальство. По окончании курса он не только исправнее своих товарищей исполнял свои служебные обязанности, но и составил учебник "Краткие артиллерийские записки в вопросах и ответах". Мало того, он давал частные уроки. Аракчеев, как известно, впоследствии любил рассказывать, что он давал уроки, чтобы заработать необходимые для жизни средства; но Отто документально доказал, что родители Аракчеева были люди небедные; едва ли между товарищами Аракчеева было много лиц, родители которых были богаче Аракчеевых; очень богатые люди, как тогда, так и теперь, не служили в артиллерии.

В Гатчине Аракчеев скоро обратил на себя внимание своим удивительным трудолюбием, своею напряженною деятельностью, своею неутомимостью. Ратч писал: "В бытность великого князя в Павловске Аракчеев в Гатчине сурово принялся за новые свои обязанности, и учения продолжались по двенадцати часов в день". Понятно, что при всем желании никто не мог превзойти Аракчеева в трудолюбии; у сослуживцев Аракчеева не хватало сил производить так долго учения. Великий князь оценил деятельность неутомимого Аракчеева, давал ему различные поручения и сделал комендантом Гатчины. Необычайное трудолюбие Аракчеева вызывало удивление современников; он сделался лицом известным, о нем заговорили. Массон, характеризовал его деятельность следующим образом: "Ни один лирический поэт никогда не был так одержим служением Аполлону, как этот человек бесом военной службы".

Известно, что в Гатчине служба была так трудна, что только крайняя нужда удерживала там офицеров; Аракчееву, напротив, нравилась эта деятельная жизнь; он не только исполнял то, что другим было не по силам, но и продолжал преподавание в артиллерийском корпусе; едва ли он руководился исключительно расчетом, так как за проездами Аракчееву не оставалось и четверти получаемого от корпуса жалованья.

Вместе с трудолюбием и неутомимостью Аракчеев обнаруживал большое терпение. Он сам рассказывал впоследствии генералу Маевскому: "Я сделался комендантом Гатчины, всякий день должен был быть на параде, в разводе и на ученье. У меня был один мундир и одни лосиные панталоны. В ночь сниму я их с себя, выбелю и поутру рано мокрые надеваю опять. Летом это было сносно; но зимою доходило почти до слез, когда панталоны примерзали к телу и жестокий холод пронизал все нервы". Не все могут проделывать такие фокусы, но Аракчеев, судивший о всех по себе, требовал и от подчиненных такого же трудолюбия, таких же неутомляемости и терпения, какими был наделен сам.

С таким же поразительным трудолюбием Аракчеев исполнял три трудные должности, возложенные на него императором Павлом Петровичем в 1796 г.; даже трем деятельным служакам трудно было бы исполнить всю возложенную на Аракчеева работу; он же и тут отличался исполнительностью. Часто днем и ночью он ездил по городу осматривать исправность караулов и постов; весь гарнизон трепетал перед неутомимым комендантом.

Деловитость Аракчеева обратила на себя внимание наследника престола; он просил указания и помощи у молодого генерала, вполне уверенный в его полной компетентности как в канцелярских делах, так и в строевой выучке.

Выдающаяся деловитость Аракчеева очень быстро завоевала ему почетное положение в служебном мире. Он был настолько умен, что понимал свое невежество, невоспитанность, ненаходчивость в обществе и потому не стремился разыгрывать роль светского человека, приятного собеседника, придворного кавалера; также он не стремился обратить на себя внимание познаниями, глубиной

суждений. Он избегал светского общества, молчал, когда при нем обсуждались серьезные вопросы, не высказывал собственных суждений, но с неутомимостью исполнял приказания, трудолюбиво добивался достижения свыше указанных целей. Не было исполнителя более трудолюбивого, более точного, чем Аракчеев, и это создало ему исключительное положение, создало ему блестящую карьеру. Исполняя в сущности весьма незначительные обязанности, он получал награды, обычно даваемые лишь высшим государственным сановникам. Этих исключительных наград он добился главным образом своим громадным трудолюбием.

В продолжение всей своей службы Аракчеев работал неутомимо и систематически, в этом отношении резко выделялся между своими сослуживцами. Даже враги Аракчеева единодушно свидетельствуют, что он много работал и усвоил служебную рутину; можно, конечно, спорить, насколько была плодотворна работа Аракчеева, но его большая работоспособность никем не оспаривалась.

Император Александр Павлович очень ценил трудолюбие и аккуратность Аракчеева; конечно, эти качества весьма полезны в исполнителе.

Даже теперь нельзя определить, что, собственно, было сделано самим Аракчеевым, да едва ли это можно определить, потому что нельзя разграничить, что сделано им самим, что сделано его подчиненными. Но несомненно, что Аракчеев, работая сам очень много, умел заставлять много работать и своих подчиненных, а это, конечно, немалая заслуга. К сожалению, он не умел приохотить своих подчиненных к работе, и потому качество всего сделанного и Аракчеевым, и его подчиненными неудовлетворительно, но количественно, несомненно, громадно. Историк, изучив государственную деятельность Аракчеева, мог бы нам выяснить, как вообще вредна работа из-под палки, как вредно формальное отношение к делу, как вредна работа человека, не любящего людей, но психолог по поводу деятельности Аракчеева может ограничиться повторением старой истины — без любви к делу ничего полезного создать нельзя.

Аракчеев до самого конца своей службы вникал во все мелочи, не уставая исполнял возложенные на него обязанности; можно лишь удивляться, как он находил время для такой разносторонней деятельности. Так, архитектор Свиязев рассказывает, что в 1825 г. Аракчеев сам следил за всеми подробностями построек в военных поселениях и находил время лично торговаться с Свиязевым насчет жалованья: Свиязев требовал 4000, а Аракчеев давал только 2400. Такая заботливость о государственной экономии делает честь Аракчееву. Одного этого эпизода в деятельности Аракчеева, я думаю, достаточно, чтобы составить себе представление о трудолюбии графа. Можно лишь пожалеть, что работа Аракчеева не была согрета любовью к людям, не была одухотворена благородными мотивами и целями. При этих условиях она была бы очень полезна. Благодаря прекрасной работе Отто, нам хорошо известна деятельность Аракчеева как хозяина Грузина. Только за время своего последнего удаления от дела он исключительно занимался имением; с 1803 по 1825 г. он бывал в Грузине лишь наездами, отдыхал здесь от службы и потому не мог уделить много времени на хозяйство; правда, что он и живя в Петербурге, следил за своим хозяйством, но ведь он всегда был занят службой. За время командования военными поселениями он мог бывать в Грузине чаще и оставаться там дольше. Если мы сравним хозяйственную деятельность Аракчеева с хозяйничанием других сановников, то должны будем удивляться трудолюбию Аракчеева. Известно, что имения сановников приходили в упадок, потому что лица, занятые службою, не могли уделить достаточно времени и труда своим имениям, а Аракчеев, по службе работавший больше своих сослуживцев, привел свое имение в блестящее состояние.

Аракчеев привел свое имение в желаемое им состояние, вполне добился

поставленной им цели, а это, как всякому понятно, требует громадного труда. Как человек очень тщеславный, Аракчеев задался целью привести Грузино в такое состояние, чтобы его имение вызывало удивление современников, считалось образцовым имением, и он вполне достиг своей цели. Действительно, Грузино стало самым благоустроенным имением, вызывало удивление и восхищение современников. Доктор Тарасов, правда человек наивный, но все же немало видевший на своем веку, пришел в восторг от Грузина и заявил государю, что "порядок в доме и устройство хозяйства поставляют здешнего помещика на степень самого опытного и благоразумного хозяина".

В Грузине Аракчеев осуществил свой идеал: он устроил земной ад, где все страдали и беспрекословно исполняли волю владельца; едва ли было имение в России, где крепостные были более дисциплинированы, более лишены свободы, чем в Грузине; Аракчеев в своем имении был неограниченный повелитель; все беспрекословно и постоянно исполняли его волю.

Наконец, Аракчеев своею настойчивою деятельностью достиг того, что Грузино давало прекрасный доход, и доходы Аракчеева были так велики, что он всегда располагал свободными деньгами и мог делать значительные затраты на памятники, колокола и т. п. Отто подробно описал хозяйственную деятельность Аракчеева. На все возможные случаи в Грузине были составлены самим графом разные предписания; например, если волк задерет овцу и староста немедленно по установленной форме не донесет графу, то староста штрафуется на 15 руб.

Аракчеев написал собственноручно расписание кушаний на неделю людям. В понедельник было назначено: "щи с забелкой; похлебка картофельная, которую заправлять мукой, вливая в оную постного масла две ложки". Аракчеев точно назначал, сколько должно выходить масла, мяса и т. д. Он входил во все мелочи хозяйства и не жалел труда даже на пустяки. В 1820 г., то есть в то время когда он стоял во главе управления всей России и командовал военными поселениями, он нашел время для составления подробного положения, сколько нужно для грузинской мызы метелок, лопат и пакли и сколько мякины для птиц и коров. Он собственноручно написал: "В год для Грузино метелок потребно 2200 шт.; а именно куда: в господскую кухню 1 мет. на неделю, в год 52. В людскую кухню на неделю 1, в год 52. Для собору и гошпит. по 2 мет. в неделю, а в год — 104. На скотный двор в неделю 2, в год 104. На конюшню по 4 в неделю, на год — 208. Для метения саду летом с 15 апреля по 15 октября, в 6 же месяцев потребно 52 мет., запасных метел 302". Очевидно, что Аракчеев был единственный в своем роде хозяин.

Предписания самые мелочные исполнялись с буквальной точностью, так как Аракчеев не только не жалел времени на составление правил, положений и смет, но и зорко следил за точным исполнением своих требований. В Грузине происходили вечные ревизии разного имущества, составлялись описи имущества, и сам Аракчеев неукоснительно проверял по описям все имущество; наконец, был составлен реестр этим описям. Во всем этом соблюдалась неслыханная точность; например, была опись садовых инструментов; опись молошнику и всех вещей и посуды в оном находящихся; было две описи птицам, оказавшимся налицо 1 октября 1810 г., и т. п.

Можно, конечно, сказать, что Аракчеев обладал сильной волей; действительно, он всегда настойчиво преследовал одну цель, не уклонялся никогда с пути, избранного в ранней молодости. Вся его жизнь была непрерывное движение к самому высокому служебному положению. Однако при внимательном изучении всего психического склада Аракчеева оказывается, что он действовал крайне настойчиво под влиянием самого сильного мотива — тщеславия; никакой борьбы мотивов в жизни Аракчеева не было, и потому жилось ему легко. Он ничего и никого не любил, никаких целей, кроме достижения высокого положения, не преследовал; ничто не отклоняло его от намеченного пути. Он желал достигнуть высокого положения, и обстоятельства

сложились так, что от Аракчеева требовали только трудолюбия, исполнительности и бессердечия; этими качествами он был наделен от природы и потому мог без сомнений и борьбы идти к намеченной цели. Ни увлечения, ни угрызения совести не беспокоили его, не отклоняли с избранного пути. Три раза в жизни он терпел неудачи и ни разу ничего не сделал для того, чтобы приспособиться к обстановке. В 1825 г. он не мог смирить своего тщеславия, не мог бороться с своей главной страстью и потому окончательно разбил свою карьеру.

Сильная воля Аракчеева проявлялась лишь в том, что он владел своими аффектами и потому никогда не делал того, что было в данное время запрещено. Это составляло силу Аракчеева; задерживающая деятельность его головного мозга была вполне достаточна для того, чтобы бороться с аффектами, но оказалась слаба в борьбе с его главной страстью. Ему, несмотря на все старания, не удалось снискать благоволения Николая Павловича главным образом потому, что он не мог подавить в себе тщеславия, трусости и лживости. Он даже не мог владеть собою настолько, чтобы избежать неприличных выходов в письме к Николаю Павловичу по поводу устранения от заведования делами кабинета министров. Следовательно, Аракчеев был раб своих страстей и, когда в его жизни понадобилась сильная воля, он оказался не на высоте положения. Не оказалось у Аракчеева достаточно воли и для того, чтобы бороться со своею трусостью; его положение в 1805 г. было не до такой степени прочно, чтобы не скрывать перед государем трусости; он знал, как высоко ценил государь храбрость, и он, рискуя потерять уважение государя, убежал с Аустерлицкого поля сражения.

Вообще, Аракчеев ни разу в жизни не проявил сильной воли; правда, он обладал терпением, всегда вполне владел собою, но ведь это еще не доказывает присутствия сильной воли. Его служебная деятельность всегда состояла в полном подчинении; он аккуратно и трудолюбиво исполнял волю Павла Петровича и Александра Павловича, не обнаруживая собственной инициативы. Оба государя пользовались основными свойствами Аракчеева, и он, как настоящий "раб", исполнял данные ему приказания. В качестве "раба" он не мог иметь и не имел влияния на своих повелителей, хотя, конечно, исполнительность Аракчеева давала Александру Павловичу полную возможность проявлять свою волю. Если бы не было под рукою исполнительного и трудолюбивого "раба", по всей вероятности, пришлось бы отказаться от проведения в жизнь некоторых планов. Едва ли можно сомневаться, что Аракчеев вполне точно выполнял бы гуманные и просветительные планы, если бы они ему были поручены; также несомненно, что он осуществил бы их так же дурно, как скверно устроил военные поселения. Аракчеевы лишь исполнители чужой воли; как настоящие рабы, они должны всегда служить своим господам, не способны к самостоятельности, подчинены чужой воле. Они трудолюбивы, терпеливы, наделены самообладанием; "раб" не может обладать сильной волею; она ему совершенно не нужна; наконец, человек с сильной волею не может быть "рабом".

Аракчеевы не обладают инициативой, не наделены сильной волей, преследуют мелкие, низменные цели; они крайне опасны как орудие, но всегда вредны, потому что всюду вносят свою злобность, свое человеконенавистничество, свою мертвящую рутину. Аракчеевых немало, и они всегда причиняют много страдания и горя; самым крупным представителем этого типа следует считать графа Аракчеева. "У зла, как и у добра, есть свои герои"¹⁰⁵. Аракчеев был героем зла вследствие того, что все признаки злодея у него были резко выражены и вследствие исторических условий, в которых ему пришлось действовать.

Печатается по тексту журнала
"Вопросы философии и психологии".
М., 1906. Кн. 82, 83.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Данте Алигьери. Божественная комедия. Спб., 1909. Т. I. С. 165. Пер. Д. Мина.

²Русская старина. 1873. С. 136.

³Memoires de la comtesse Edling. P. 261.

⁴Ратч. Сведения о графе А. А. Аракчееве. С. 39.

5Я останавливаюсь на неверных указаниях даже а лексиконах, длл того чтобы указать, с какую осторожностью вообще нужно относиться к биографиям наших деятелей. Даже такой солидный историк, как Шильдер, впадает в грубую ошибку. Шильдер ("Император Павел Первый". С. 381) называет Ратча "усердный панегирист" Аракчеева; так же он его называет в своем прекрасном труде "Император Александр Первый" (Т. I. С. 180). Кто читал книжку Ратча, для того очевидно, что Шильдер или не читал эту книжку, или позабыл взгляд автора на Аракчеева.

⁶Русский архив. 1867. Записки Мертваго. С. 233.

⁷Русский архив. 1866. С. 1304.

⁸Никто из порядочных дворян не хотел служить у него (Павла Петровича). Фонвизин. Обзорение проявлений политической жизни в России. Общественные движения в России в первую половину XIX в. С. 130.

⁹Клейнмихель П. А. (1793—1869) — генерал-адъютант, затем генерал от инфантерии. С 1812 г. — адъютант Аракчеева, с 1819 г. — начальник штаба военных поселений. Один из приближенных Николая I. — *Примеч. ред.*

¹⁰Русский архив. 1868. Рассказы Романовича. С. 283—289; опровержение этого рассказа Бровцыным. С. 951—958.

¹¹Русский архив. 1875. С. 50.

¹²Русский архив. 1880. С. 495.

¹³Русский архив. 1880. С. 495.

¹⁴Северный вестник. 1895.

¹⁵Отто. Черты из жизни графа Аракчеева. Древняя и новая Россия. Т. III. С. 179.

¹⁶Из записок графа Комаровского // Русский архив. 1867. С. 774.

¹⁷Ратч. Сведения о графе А. А. Аракчееве. С. 153—154.

¹⁸Мой век, или История генерала Маевского // Русская старина. 1873. С. 353—354.

¹⁹Новгородские военные поселения // Русская старина. 1885. Январь.

²⁰Русский архив. 1875. С. 36.

²¹Русский архив. 1880. С. 342.

²²Русский архив. 1867. Записки Мертваго. С. 49.

²³Русский архив. 1875.

²⁴Середонин (Исторический обзор деятельности комитета министров. Т. I. С. 20—40) отзывается благоприятно о деятельности Аракчеева как члена комитета министров. В 1815 г. государь назначил Аракчеева "для доклада и надзора по делам комитета".

²⁵Русский архив. 1880. С. 314—315. То же свидетельствует весьма сведущий в этих делах Фок в официальном письме к Бенкендорфу; он утверждает, что за Аракчеева работали Пукалов и Марченко; "они заготовляли работы, которые он выдавал за свои"; это "фактически доказано". Русская старина. 1881. IX. С. 182.

²⁶Мой век, или История генерала Маевского // Русская старина. 1873. С. 439.

²⁷Шениг (Русский архив. 1880. С. 323) "сам читал и списал" эту надпись в 1826 г.

²⁸Русская старина. 1871. С. 552.

²⁹Отто. Черты из жизни графа Аракчеева. Т. II. С. 171.

³⁰Шильдер. Император Павел Первый. Т. I.

³¹Русский архив. 1866. С. 1327—1328.

³²Отто. Черты из жизни графа Аракчеева. Т. I. С. 381.

³³Русский архив. 1875. С. 37.

³⁴Русская старина. 1873. С. 779.

³⁵*Нищие Ф.* Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 385. Пер. Н. Полилова.

³⁶Сюлли М. (1560—1641), французский герцог, будучи министром финансов, укрепил финансовое положение Франции. — *Примеч. ред.*

³⁷Старая и новая Россия. 1875. Т. III. С. 173.

³⁸Сперанский М. М. (1772—1839), с 1808 — ближайший советник Александра I, автор плана либеральных преобразований в России. — *Примеч. Ред.*

³⁹Русская старина. 1873. С. 438—439.

⁴⁰Воспоминания Н. И. Шенига // Русский архив. 1880. С. 291.

⁴¹*Отто.* Черты из жизни графа Аракчеева. Т. II. С. 181.

⁴²Воспоминания Н. И. Шенига // Русский архив. 1880. С. 323.

⁴³*Нищие Ф.* Соч.: В 2 т. Т. 2. С. 385. Пер. Н. Полилова.

⁴⁴Русский архив. 1880. С. 389.

⁴⁵Русский архив. 1875. С. 48.

⁴⁶Русский архив. 1875. С. 49.

⁴⁷Русская старина. 1873. С. 447—448.

⁴⁸*Шильдер.* Император Александр Первый. Т. 1. С. 142.

⁴⁹Ростопчин Ф. В. (1763—1826), граф, в Отечественную войну 1812 московский генерал-губернатор. — *Примеч. ред.* ²*Ратч.* Сведения о графе А. А. Аракчееве. С. 142.

⁵⁰По поводу записок графа Зенфта // Русский архив. 1876. С. 278.

⁵¹Записки графини В. Н. Головиной. 1900. С. 95—96.

⁵²Есть сведения, что лица, возбудившие гнев Аракчеева, запирались в казематы (Русская старина. 1881, IX. С. 201—209).

⁵³Записки А. М. Тургенева // Русская старина. 1885. С. 384.

⁵⁴*Ратч.* Сведения о графе А. А. Аракчееве. С. 155.

⁵⁵Записки Эйлера // Русский архив. 1880. С. 386.

⁵⁶*Связев.* Воспоминания об Аракчееве // Русская старина. 1871.

⁵⁷Записки Ф. Ф. Вигеля. Ч. I. С. 90.

⁵⁸Русский архив. 1876. С. 117.

⁵⁹*Ратч.* Сведения о графе А. А. Аракчееве. С. 99.

⁶⁰М. И. Муравьев-Апостол, бывший семеновед, утверждает, что Шварц был назначен командиром Семеновского полка именно по желанию Аракчеева (Русский архив. 1873. С. 109).

⁶¹Аракчеев тогда хорошо знал, что его жестокость не возмутит государя; в 1797 г. он заporол до смерти трех солдат Преображенского полка; Дятлов привел наследника в госпиталь, где умирали эти мученики, надеясь, что наследник пожалуется государю, но ученик Лагарпа не помог горю (*Bruckner. Kaiser Pauls' Ende.* P. 43).

⁶²*Отто.* Черты из жизни графа Аракчеева. Т. I, С. 389. ²Там же. Т. II. С. 176. ³Там же. Т. I. С. 389.

⁶³Там же. С. 379.

⁶⁴*Отто.* Черты из жизни графа Аракчеева. Т. I. С. 383, 384.

⁶⁵Там же. С. 386.

⁶⁶Там же. С. 386.

⁶⁷Там же. С. 385.

⁶⁸Воспоминания Ф. П. Лубяновского // Русский архив. 1872. С. 162.

⁶⁹Рассказы гр. Ф. П. Толстого // Русская старина. 1878. Февраль.

⁷⁰*Отто.* Черты из жизни графа Аракчеева. Т. III. С. 172.

⁷¹Русский архив. 1875. С. 41.

⁷²Русский архив. 1880. С. 496.

⁷³*Шильдер.* Император Александр Первый. Т. II. С. 139.

⁷⁴Потом, как рассказывают, оказалось, что страх Аракчеева был совершенно напрасен. На телегах, напугавших так графа, возвращались с праздника грузинские священники, которым случайно попались рез-венькие лошадки.

⁷⁵Русская старина. 1882. С. 195.

⁷⁶*Отто*. Черты из жизни графа Аракчеева. С. 174—177.

⁷⁷Русская старина. 1874. Май.

⁷⁸Русская старина. 1873. С. 452.

⁷⁹*Шильдер*. Император Николай Первый. Т. I. С. 292.

⁸⁰Дибич-Забалканский И. И. (1785—1831) — генерал-фельдмаршал, был близок к Александру I. — *Примеч. Ред.*

⁸¹*Шильдер*. Император Николай Первый. Т. II. С. 48—55. Бенкендорф А. Х. (1783—1844) — граф, генерал от кавалерии, с 1826 г. — шеф жандармов и главный начальник 3-го отделения. — *Примеч. ред.*

⁸²*Bernhardi*. Historische Zeitschrift. 1860. S. 147. Бернгарди называет Аракчеева "образец редчайшей из добродетелей — рабской преданности господину".

⁸³В *Афише о концерте* (1812—1825 гг.) Пукалов будет петь: "Ах ты душенька, жена моя" (Русская старина. 1871. С. 302).

⁸⁴Ростопчин и граф Аракчеев были приглашены к императору кушать. За обедом Аракчеев начал разговор о том, что у нас перевелись вельможи, нет временщиков, что в залах знатных не толпятся. Ростопчин, посмотрев на Змея Горыныча — так все звали Аракчеева, — сказал: "Да, в залах не толкуются, а есть дома, перед которыми проезду нет. Третьего дня вечером везли меня по Фонтанке от Семеновского моста, вдруг карета моя остановилась; я думал, что изломалось что-либо у кареты, опустил стекло и спросил, для чего карета остановилась. Человек отвечает: "Каретами вся улица заставлена". "У кого же такой большой съезд?" — спросил я. Стоявшие кучера отвечали мне: "У Пукалочихи, барин". Признаюсь, никогда не слыхал я о знатной барыне Пукалочихе". Аракчеев закусил губу, и оливковый цвет лица превратился в багрово-желтый... (Русская старина. 1885. II. С. 264—265).

⁸⁵В записях на прикладных листах Евангелия Аракчеев занес все важные обстоятельства своей жизни (получение наград и т. п.), но не упоминает, когда разошелся с женой (Русский архив. 1866. С. 922—927).

⁸⁶Русская старина. 1895. Июль.

⁸⁷Древняя и новая Россия. 1875. Т. I.

⁸⁸Русская старина. 1884. Март.

⁸⁹Русский архив. 1868. № 10; правописание Минкиной исправлено редакцией.

⁹⁰Русская старина. 1884. Март. С. 497.

⁹¹Русский архив. 1869. С. 1475, 1483.

⁹²Русский архив. 1880. С. 321—322.

⁹³Дело об убийстве Минкиной подробно изложено в статье Пупарева, составленной по подлинному сенатскому делу (Русская старина. 1871. IX). Пупарев ее называет Шумской; Отто ее называет Минкиной, что правильнее, так как Шумским назывался ее сын, для которого Аракчеев купил подложный документ на дворянское достоинство.

⁹⁴В доставленном Н. П. Степановым списке с письма слова, напечатанные курсивом, подчеркнуты (Русская старина. 1871. IX. С. 26).

⁹⁵Русская старина. 1887. С. 152.

⁹⁶Русский архив. 1866. С. 926.

⁹⁷Русский архив. 1868. С. 1172.

⁹⁸Русская старина. 1878. С. 181—184.

⁹⁹Русский архив. 1875. С. 472.

¹⁰⁰Русский архив. 1880. С. 323.

¹⁰¹Русская старина. 1881. С. 558.

¹⁰²*Ратч.* Сведения о графе А. А. Аракчееве. С. 98.

¹⁰³Мой век, или История генерала Маевского // Русская старина. 1873. С. 779.

¹⁰⁴Воспоминания И. И. Свиязева // Русская старина. 1871. Воспоминания Д. К. Тарасова // Русская старина. 1871. С. 644.

105*Ларошфуко.* Максимы. № 185.

Цитаты и источники на них даются по тексту журнала "Вопросы философии и психологии". М., 1905. Кн. 76 (I), 77 (II); 1906. Кн. 82, 83; 1907. Кн. 88, 89, 90.

=====

Источник: Чиж В. Ф. Психология злодея, властелина, фанатика. Записки психиатра / Предисл., сост., пер. инояз. текстов Н. Т. Унанянц. — М.: Республика, 2001. — 416 с. — С. 11-97.